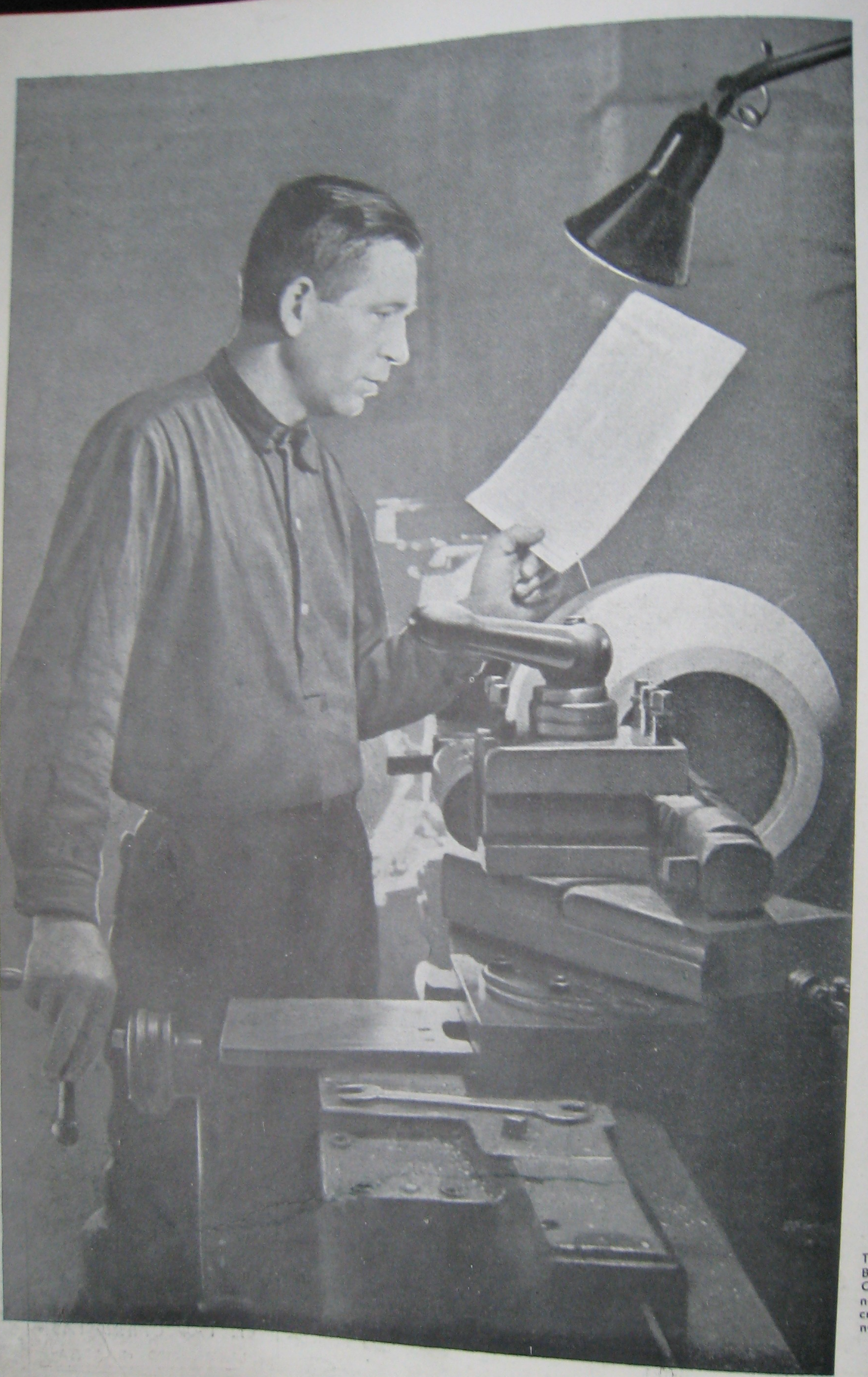

ОГОНЁК
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1948
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Токарь завода имени Владимира Ильича А. С. Смирнов. За два года послевоенной Сталинской пятилетки он выполнил восемь годовых норм.

Фото Г. Зельма.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 7 (1080) 15 ФЕВРАЛЯ 1948

26-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Четвертая сессия Верховного Совета СССР. Общий вид зала заседаний.

Фото Дм. Бальтерманца

Сто лет «Манифеста Ко

Карл Маркс.

СИЛЫ И ПРИЗРАКИ

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

«Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские».

Этими словами начинается «Манифест Коммунистической партии» — вдохновенное произведение Маркса и Энгельса, «песнь песней» рабочего класса, гениальное научное предвидение великих мыслителей, пламенный призыв великих революционеров пролетариата.

Каждое слово исполнено глубочайшего исторического содержания. Это сжатая до пределов картина современности. Это и раскрытые вдаль, необъятные исторические перспективы.

«Призрак коммунизма». Многим сто лет назад коммунизм казался только призраком, но господствующие классы феодальной и капиталистической Европы уже преследовали этот «призрак» как силу. Коммунизм был окружен лживыми легендами и клеветническими баснями. Его побаивались даже те, кто сочувствовал прогрессу и активно выступал против монархии, аристократии и буржуазии. Великий германский поэт Генрих Гейне приветствовал коммунизм из своей «матрацной могилы», но он приносил ему в жертву поэзию, художественную литературу, искусство, предполагая, что коммунары, снося старое общественное здание, разрушат и всю многовековую культуру.

Коммунизм существовал сто лет назад почти только как идея, овладевшая небольшими кружками передовых рабочих в Германии, Франции, Англии. Лишь зарницами приближающейся великой социальной грозы сверкнул коммунизм в движении английских чартистов, в лионском восстании французских рабочих, в волнении силезских ткачей, в брожении французской и германской передовой молодежи, в подпольных кружках революционной дворянской молодежи в России.

Коммунизм тогда еще не овладел рабочими массами, которые делали первые свои шаги на исторической сцене. Но коммунизм уже и тогда не был призраком. Гениальные провозвестники социалистической революции и победы пролетариата открыли в коммунизме силу, которая завоюет мир.

«Призрак **бродит** по Европе». У пролетариата сто лет назад не было отечества, и всюду коммунизм был гонимым учением. Он вынужден был существовать подпольно в Германии. В личной судьбе Маркса и Энгельса отразилось это кочевое положение коммунизма. Они должны были бежать из Германии. Французские власти выслали Маркса из Парижа. Первые коммунистические организации существовали нелегально.

«...бродит **по Европе».** Европой, по сути, ограничивалось распространение коммунизма сто лет назад. Америка, Азия, Африка, Австралия еще не существовали для коммунизма, даже для его призрака. Над Китаем и Японией царила глухая историческая ночь. В Африку лишь проникали первые исследователи. В Америке перед капитализмом были раскрыты необъятные перспективы развития на огромных пространствах никому не принадлежащей земли, происходило заселение громадного континента, и этим ослаблялась острота классовой борьбы и социальных отношений. Поглощенные внутренними делами, США еще не принимали деятельного участия в европейских делах, — призрак коммунизма еще не бродил по Америке, капиталисты его не замечали, не видели в нем силы, не боялись. Старая Европа была политическим центром земного шара. Она владела миром.

«Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака». Сто лет назад это были весьма реальные и внушительные силы. Это были господствующие классы старых монархий — французской и английской, прусской и австро-венгерской, итальянской и испанской. Самой сильной, самой прочной была русская царская монархия. Династический принцип, временно поколебленный великой французской буржуазной революцией, был восстановлен. Вся Европа, от края до края, была монархической. Всюду власть принадлежала в первую очередь аристократам-феодалам, и только в Англии и Франции они делили эту власть с буржуазией. Европа была битком набита королями, герцогами, князьями, над которыми возвышались императоры. Монархи были не только всесильны, — им приписывалось божественное происхождение, они были миром мазаны, и многие признавали над собой духовную власть земного наместника господа бога — римского папы.

«...папа...» Римский папа был сто лет назад могучим властителем. Французская революция пошатнула было престол в Ватикане. Реставрация восстановила. Очередной Пий был девятым. «Пий ты этакой девятый», — писал о нем русский сатирический поэт. Этот Пий был честолюбив. Он мечтал о полном восстановлении средневекового могущества римского престола. Он владел немалым государством в центре Италии, он был не только церковным, а и светским государем, со своей армией и многочисленной полицией. Папе принадлежал Рим. Ему повиновались монархи и правительства Испании, Бельгии, Италии, Баварии.

Австрийский император был «апостолическим» монархом, то есть признавал себя ставленником римской церкви. Во Франции католицизм был господствующей, государственной религией, иезуиты обладали громадным влиянием и держали в своих руках все народное образование. В заботе о поддержании реакци

Коммунистической партии»

онного порядка православный русский царь Николай I в 1847 году заключил конкордат (соглашение) с папой. Исконн враждующие католицизм и православие объединились в борьбе против революционных движений и против «призрака» коммунизма.

«...царь...» Русский царь после разгрома наполеоновской Франции считался самым сильным монархом в Европе. Крепостническая Россия все еще была на положении могучей военной державы. Революционные бури, которые пронеслись над всей Западной Европой в конце XVIII и в начале XIX века, лишь стороной и отчасти коснулись помещичье-дворянской России. Мятеж дворянских революционеров-декабристов был подавлен. Царская Россия была темным царством. Царское самодержавие не знало никаких ограничений и было самым надежным оплотом старой Европы в борьбе с демократическими течениями. Русский царь властно вмешивался во все европейские дела. Западная Европа видела перед собой царскую крепостническую державу как ощутительную реальность. Она не различала за царизмом русского народа, мощь которого уже проявлялась в отдельных вспышках крестьянских волнений, в свободолюбивом духе русской мысли, литературной, научной и художественной. Царь боялся всякого проявления самостоятельности и свободолюбия в русском народе. Поэтому царь так охотно подал руку римскому папе в общей борьбе против революции и демократии.

«...Меттерних...» Министр и фактический диктатор австро-венгерской монархии, Меттерних был живым представителем формально скончавшегося священного союза монархов. Меттерних был в такой же мере министром австрийского императора Франца-Иосифа, как и министром Николая I. Из Вены его старческая рука направляла деятельность всех европейских охранок. Немецкая династия Габсбургов, занимавшая австро-венгерский трон, беспощадно душила все славянские нации, подчиненные короне, и в идее национальной независимости славянских народов видела самое страшное проявление революции и коммунизма.

Меттерних был олицетворением контрреволюции. Мертвящее дыхание этого зловещего старика отравляло Европу. С особой, неугасимой ненавистью и подозрительностью он относился к Франции. Страна, родившая революцию конца XVIII века, не успокоившаяся и после жестокого разгрома, вновь насмерть перепугавшая монархов в 1830 году, была непотухшим вулканом.

Но и в монархической Франции у власти стояли представители реакции. В своей ненависти к демократии и социализму Меттерниху не уступал французский королевский министр Гизо.

«...Гизо...» Прямой и крутой реакционер, Гизо соединял в себе приемы жандарма с претензиями историка. Монархия нашла верного слугу в этом «ученом» холопе французской аристократии и церкви. Из всех престолов старой Европы французский казался наименее прочным, но Гизо находился у власти бессменно уже восемь лет, и это внушало политикам того времени представление о прочности и силе июльской монархии. Это была буржуазная монархия. Король Луи-Филипп пользовался любовью на парижской бирже, и Франция добивалась восстановления своего положения в Европе, как самой сильной континентальной державы. Призрак коммунизма всего больше бродил среди французского рабочего класса. Париж был главным очагом учений утопического социализма, и Гизо с особой яростью преследовал республиканцев, демократов и социалистов.

«...французские радикалы...» Правда, была во Франции и оппозиция, щеголявшая словами о республике. Но главарь оппозиционной буржуазии Тьер уже в молодости и на заре своей политической деятельности обнаруживал все те черты своей политической натуры, которые впоследствии доставили ему грязную и кровавую славу палача Парижской коммуны 1871 года. Не только Тьер, но и более радикальные представители парламентской французской оппозиции ненавидели рабочий класс несравненно больше, чем монархию. Они смертельно боялись новой революции. Поэтому они и принимали участие в травле «призрака» коммунизма вместе с немецкими полицейскими.

«...немецкие полицейские...» Германия была сто лет назад раздроблена на множество королевств, герцогств. Наиболее сильным среди них и наиболее реакционным была Пруссия. Это раздробление Германии мешало ей играть ту политическую роль, на которую она могла бы претендовать как самое крупное государство в Центральной Европе. Но это не мешало Пруссии быть сильнейшей опорой международной реакции. Немецкие полицейские были весьма реальной силой. Пруссия была для своего времени крупной военной державой, вся власть сосредоточивалась в руках крупных помещиков — юнкеров. Крестьянство находилось в полукрепостническом положении. Королевская Пруссия в основном была очень близка к царской России, но в Рейнской области уже развивалась крупная промышленность, нарождалась буржуазия, либерально-оппозиционная по своим настроениям, формировались кадры промышленного рабочего класса, среди которых бродил «призрак» коммунизма. Страх перед революцией владел господствующими классами Германии. Немецкие полицейские свирепствовали. Пруссия была большой казармой, в которой томились, как в тюрьме, передовые писатели, поэты и философы того времени. Из этой казармы бежали Маркс и Энгельс, чтобы возвестить миру о грядущей победе коммунизма.

Англия того времени как будто не участвует в «священной травле» коммунизма. Об Англии не упоминает вступление к «Манифесту». Это значит, что английские господствующие классы, уверенные в своей силе, еще не удостаивали «призрак» коммунизма своим вниманием. Английский капитализм был тогда в расцвете своих сил, Англия была сильнейшей морской державой, она не боялась соперничества, извлекала колоссальные прибыли из эксплоатации колоний и позволяла себе политику «блестящей изоляции». Английские капиталисты пренебрежительно и высокомерно относились к революциям на европейском континенте.

Фридрих Энгельс.

Английская буржуазия кичилась своим парламентом, своей «демократией».

В Лондоне собрались коммунисты различных национальностей, чтобы составить свой манифест. Это не было свидетельством подлинной свободы для коммунизма. Это лишь признак того, что английская буржуазия еще не испытывала панического страха перед ним. В действительности Англия оставалась крепким оплотом реакции на всем европейском континенте.

* * *

Так было сто лет назад. Таковы были реальные силы буржуазного порядка. Так выглядел «призрак коммунизма».

Каковы ныне, после ста лет непрерывной борьбы рабочего класса против буржуазии, реальные силы, каковы призраки наших дней?

Призраки бродят по Европе. Это призраки прошлого, призраки провалившихся в историческое небытие монархий. Где австрийская и германская империи? Где Гогенцоллерны и Габсбурги? Где бурбоны, орлеанисты, бонапарты? Румынский король Михай тихо и мирно подал в отставку.

Царь... Николай II пытался подражать Николаю I. Рабочие и крестьяне России снесли царский престол, некогда сильнейший в Европе, и международная буржуазия тщетно пыталась спасти последнего царя.

Папа... Пий XII утешается смешным призраком светской власти на одной улице Рима, подаренной ему за услуги итальянским фашизмом, ныне покойным. Католических государств почти не осталось в Европе. В Испании попы еще прячутся за спиной Франко, который овдовел после гибели Гитлера и его банды, потерял политическую силу и доживает милостью американских покровителей. От обширного католического мира, трепетавшего перед Ватиканом, остались только обломки. Сам папа — живой призрак средневековья, блуждающий среди людей. Мир оскудел верой в наместника господа бога. С этим Пий XII как-нибудь примирился бы. Но мир оскудел дарами Ватикану, и с этим римский папа примириться не может.

Но чем больше власть папы превращается в призрак, тем сильнее его ненависть к коммунизму, в котором он видит самую опасную для себя силу. Надежды папы на германский фашизм не оправдались. Папа объединяется ныне с американскими банкирами.

Как ни пыжится мировая буржуазия, не может она создать политическую фигуру, равную по своей силе, по своему значению Меттерниху. Призраком стала старая Европа. Капиталистическая Европа утратила свое центральное место в мире. Она сама смотрит на себя как на придаток к Америке. Европейская буржуазия с тоской мечтает о былом своем величии. Она не скрывает от себя, что коммунизм стал реальной силой в Европе, что он торжествует в восточной ее половине, и если бы не брошенные на выручку американские резервы капитализма, коммунизм был бы близок к торжеству и в западной ее половине. Банкротство европейской буржуазии очевидно и бесспорно.

Гизо... Не может теперь французская буржуазия создать министра по образу и подобию Гизо. Тот твердо ходил по земле, пока не упал плашмя. Нынешние балансируют на канате и кувыркаются. Французские радикалы верны себе, они принимают участие в травле коммунистов, им помогают жалкие «социалисты», превратившиеся в презренное охвостье реакционной буржуазии. Американские содержанцы, представляющие ныне 200 французских «семейств», под именем правительства услужливо расчищают путь для нового спасителя капиталистического порядка, для генерала де Голля. Но если уже Наполеон III был пародией на Бонапарта, то де Голль пародирует пародию. Он повторяет Петэна в переводе на американский язык.

Немецкие полицейские... Они раздулись в огромный кровавый пузырь при Гитлере. Они похвалялись тем, что уничтожили марксизм в Германии и обещали уничтожить его во всем мире. Они залили всю Европу кровью для того, чтобы превратить коммунизм снова в призрак, но в омерзительный призрак прошлого превратились они сами.

В царство призраков ушло былое самодовольство и высокомерие английской буржуазии. Рассеялся без остатка ореол горделивой «блестящей изоляции». Английские реакционеры принимают теперь самое деятельное участие в травле коммунистов, потому что смертельно боятся их. Англия — более не царица морей. Она цепко держится за роль второй скрипки при США. Тревога, неуверенность владеют господствующими классами Англии.

Америка сто лет назад была на положении придатка к Европе. Теперь США пытаются рассматривать Западную Европу как придаток к Америке. Американские плутократы, которые сто лет назад не замечали «призрака коммунизма», теперь возглавляют борьбу против него как реальной силы, угрожающей капитализму во всем мире. Из всех капиталистических подворотен бесчестная печать лает на коммунизм. Это не мешает его победному шествию.

Коммунизм — не призрак, он не бродит по Европе. Коммунизм господствует на шестой части земного шара. Он шествует по всему земному шару.

Коммунизм овладел миллионными рабочими массами. Он стал могучей реальной силой, единственной подлинной силой на земле. Эта сила несокрушима. В сравнении с ней все другие силы имеют только временный характер, а многие, по сути, призрачны. В той мере, в какой коммунизм из призрака будущего стал реальной силой современности, капитализм становится и в ряде мест уже стал призраком прошлого.

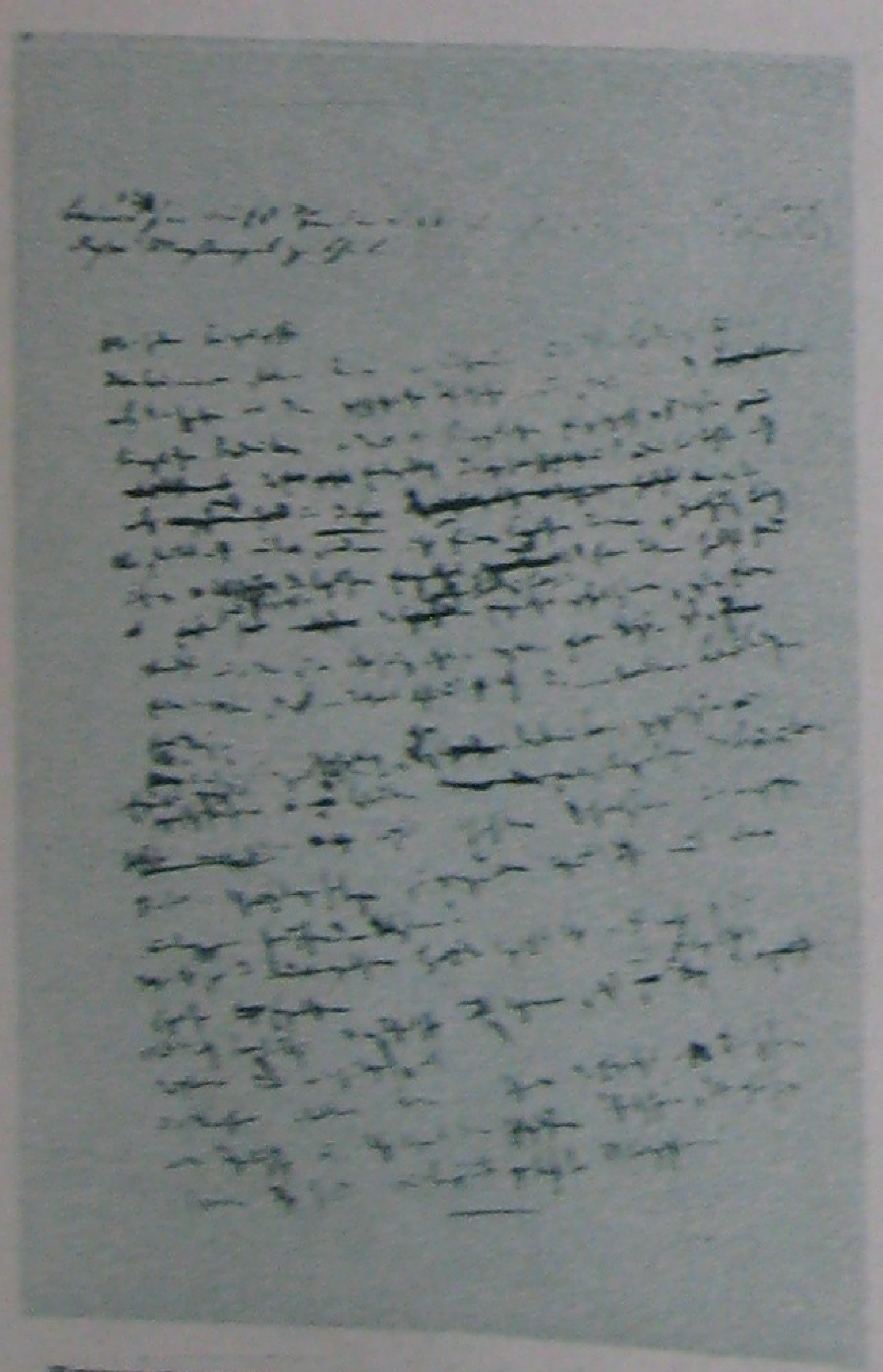
Коммунизм находится в первой стадии своего исторического существования — в стадии успешного социалистического строительства. Капитализм доживает последнюю стадию — империализм.

Коммунизм имеет свою огромную территорию — Союз Советских Социалистических Республик. Это — самое мощное государство, когда-либо существовавшее. Сталинская Конституция СССР ответила на исторический призыв «Манифеста Коммунистической партии» записью великих побед коммунизма.

Великое содружество Ленина—Сталина продолжает дело великого содружества Маркса—Энгельса.

Коммунизм был идеей сто лет назад. Он получил материальную силу, соединившись с многомиллионными массами рабочего класса, овладев народами. Это сила, какой еще никогда не бывало в мировой истории. Столетнее шествие коммунизма величественно. Оно непрерывно ускорялось, и последние тридцать лет — это время его блестящего торжества. Русскому народу выпала на долю великая историческая честь — стать авангардом прогрессивного человечества, идущего к коммунизму.

Все пути ведут в Рим — это была поговорка средневековья. Все пути ведут к коммунизму — это формула наших дней.

Единственная сохранившаяся страница черновика «Манифеста Коммунистической партии». Весь текст написан рукой Маркса, первые две строки — рукой его жены Женни Маркс.

Manifest

Kommunistischen Partei.

Обложка и первая страница первого издания «Манифеста Коммунистической партии» (1848 год).

ИЗДАНИЯ «МАНИФЕСТА»

В Институте Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б), где сосредоточено литературное наследие классиков марксизма-ленинизма, среди тетрадей и рукописей Карла Маркса и Фридриха Энгельса хранятся черновик (оригинал) набросков «Манифеста Коммунистической партии», рукопись «Принципы коммунизма», одна из рукописных страниц предисловия к русскому изданию «Манифеста» 1882 года и экземпляры почти всех его изданий. Этот программный документ марксизма является самым распространенным произведением всей социалистической литературы. Только при жизни Маркса и Энгельса «Манифест» вышел в 83 изданиях на 14 языках.

Впервые на русском языке «Манифест» вышел в Женеве в 1869 году. Этот перевод, сделанный М. Бакуниным, страдал серьезными искажениями.

Несмотря на это, Карл Маркс положительно отнесся к русскому изданию «Манифеста». Получив шесть экземпляров этой брошюры, 29 апреля 1870 года он писал Фридриху Энгельсу: «Один экземпляр русского перевода нашего «Коммунистического Манифеста» для тебя... Это все же интересный факт для нас».

Знакомство с первой научной революционной программой пролетарской партии производило огромное впечатление на прогрессивных людей того времени. Автор второго перевода «Манифеста» Г. В. Плеханов в своих воспоминаниях пишет: «Лично о себе могу сказать, что чтение «Коммунистического Манифеста» составляет эпоху в моей жизни. Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил перевести его на русский язык». К. Маркс и Ф. Энгельс придавали большое значение этому изданию, вышедшему в Женеве в 1882 году. Они написали к нему специальное предисловие, в котором указали на тот факт, что «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе». И действительно, ни в одной стране не появилось такого большого количества переводов и изданий «Манифеста», как в России.

Издание «Манифеста» способствовало формированию первой марксистской группы — «Освобождение труда», участники которой положили начало широкому распространению марксизма в России. За переводом Плеханова последовал целый ряд новых переводов.

Авторы «Манифеста» высоко ценили русские переводы. «Переводить «Манифест», — писал Ф. Энгельс в июне 1883 года,— дьявольски трудно, русские переводы, пожалуй, лучшие из всех, которые я встречал».

Известно, какое огромное значение придавал переводам, редактированию и распространению «Манифеста» В. И. Ленин, принимавший в этой работе самое активное, непосредственное участие. Будучи с осени 1889 года в Самаре, Ленин усердно изучал сочинения классиков марксизма, главным образом на немецком и французском языках, так как в то время произведений их на русском языке было очень мало. В 1891 году Ленин сам перевел «Манифест Коммунистической партии» на русский язык. Рукопись перевода читалась в самарских кружках и была уничтожена во время полицейских обысков. Впоследствии в своих работах Ленин очень широко использует «Манифест», развивает его основные идеи применительно к новым условиям эпохи империализма и цитирует «Манифест» в своем собственном переводе. Такие цитаты встречаются более чем в сорока ленинских произведениях, особенно в его работах «Карл Маркс» и «Государство и революция». Все переводы отдельных мест «Манифеста», сделанные Лениным, с предельной точностью отражают содержание и стиль подлинника, отличаются глубиной, остротой и отточенностью формулировок и поразительной яркостью и меткостью характеристик. В последних изданиях через весь текст последовательно проведена ленинская терминология.

В 1904 году в России вышел в свет «Манифест Коммунистической партии» в издании Центрального Комитета РСДРП тиражом в 10 тысяч экземпляров. Он печатался в Баку в нелегальной центральной партийной типографии.

В годы первой русской революции — 1905—1907 годы,— когда, по свидетельству В. И. Ленина, была завоевана свобода печати, а цензура просто устранена, «Манифест Коммунистической партии» вышел в России в 19 изданиях.

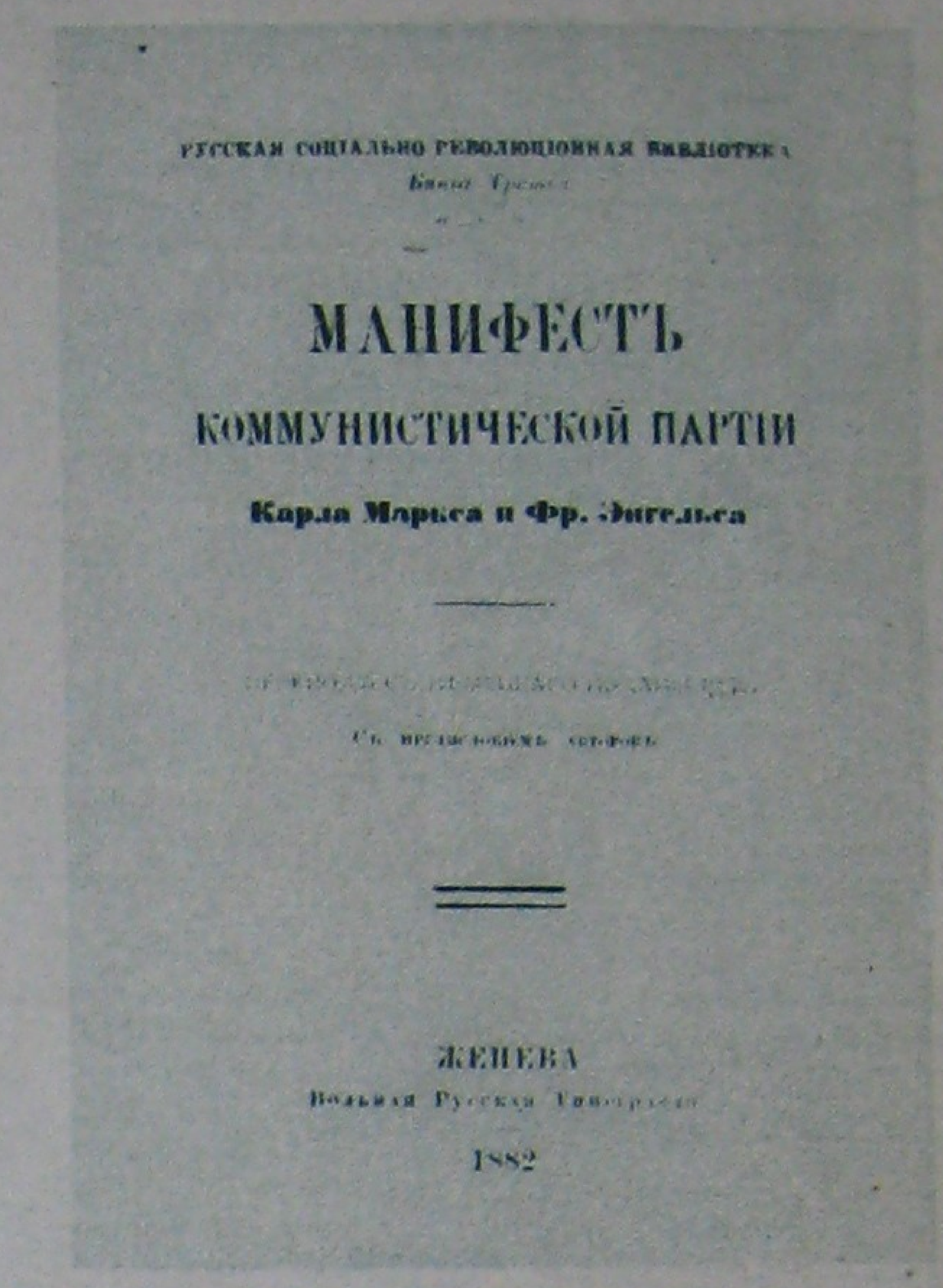
Распространение этого произведения, находившегося под строгим запретом, вызывало у царской полиции звериную ярость. В январе 1914 года петербургский градоначальник сообщал главному управлению по делам печати: «Имею честь уведомить... что 10 октября 1913 года уничтожены посредством разрывания на мелкие части арестованные экземпляры брошюры Маркса и Энгельса «Манифест Коммунистической партии».

С первых дней Великой Октябрьской социалистической революции «Манифест» становится в России настольной книгой каждого сознательного человека и проникает в широкие слои народа, сбросившего иго капитализма. С 1917 по 1923 год это важнейшее произведение марксизма издано 61 раз, причем тиражи отдельных изданий достигали 100—200 тысяч экземпляров.

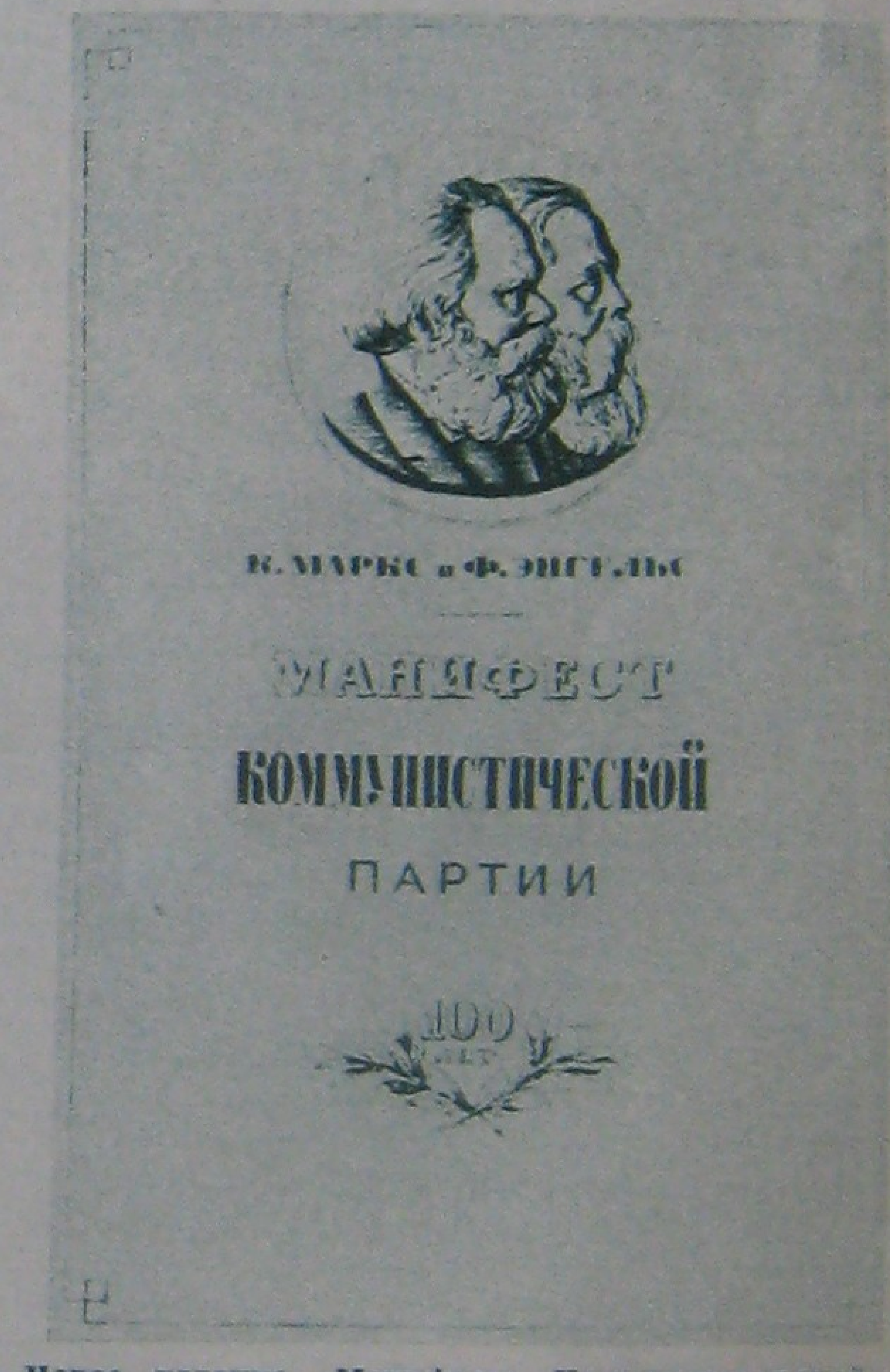
«Манифест Коммунистической партии» явился первым произведением, которое выпустил в свет созданный в 1921 году Институт Маркса—Энгельса—Ленина. С тех пор ИМЭЛ регулярно каждый год подготовлял новые издания «Манифеста», совершенствуя его переводы. С 1923 по 1948 год ИМЭЛ и Госполитиздат выпустили 51 издание «Манифеста». Кроме того «Манифест» к январю 1941 года был издан на 35 языках народов СССР.

К столетию со дня опубликования «Манифеста» выходит из печати массовое юбилейное издание в новом, исправленном переводе (тираж—200 тысяч экземпляров), улучшенное издание (5 тысяч экземпляров) и издание с параллельным текстом оригинала (тираж — 15 тысяч экземпляров).

Необычайно широкое распространение получает сейчас «Манифест Коммунистической партии» в странах новой демократии. В Югославии, Болгарии, Румынии, Польше, Чехословакии, где установлена народная власть, «Манифест Коммунистической партии» к началу 1948 года вышел примерно в 70 изданиях.

Второе издание «Манифеста Коммунистической партии» на русском языке, выпущенное в Женеве в 1882 году.

Новое издание «Манифеста Коммунистической партии».

Как против величайшей и грозной силы, объединяются теперь против коммунизма старые, обреченные силы мира. Не доверяя себе, они хватаются за призраки прошлого. Империалисты новейшей складки вызывают мертвецов из древних могил, на коих осиновый кол стоит зловещим памятником. Самые дикие формы мракобесия, суеверия, человеконенавистничества используются реакционной, остервеневшей буржуазией для борьбы против Советского Союза, против стран новой демократии, против рабочего класса, против всего прогрессивного, честного. Объявлена война не только коммунизму, а и уму, разуму, науке, совести, человечности. Призраки прошлого вооружены современным техническим оружием. Они потрясают атомной бомбой. Они опасны и ядовиты, как опасны и ядовиты хищники, обреченные на гибель.

Но история сказала свое слово. Тот клич: — Пролетарии всех стран, соединяйтесь!—, который сто лет назад бросила миру небольшая группа коммунистов в Лондоне, гремит теперь победно во всем мире, заглушая визг и проклятия врагов рабочего класса, исступленную брань фашистских тюремщиков:

Создав социалистическое государство, трудящиеся Советской страны указали всем народам путь к коммунизму. Под руководством партии Ленина—Сталина советский народ укрепил первое в мире социалистическое государство, одержал всемирноисторическую победу над фашизмом и наглядно доказал миру бесспорное превосходство социалистической системы над капиталистической. На том же пути к социализму успешно развиваются страны новой демократии.

Какой огромный скачок совершило человечество за сто лет!

Какая волнующая сила в этой победе гениальной идеи над всеми отживающими призраками прошлого!

Какое счастье быть современником и участником торжества светлой идеи коммунизма над темными призраками капиталистической старины!

Какая честь быть сыном народа, который ведет за собой человечество к коммунизму, быть членом и сторонником великой партии Ленина—Сталина, которая ведет советский народ к новым победам коммунизма!

ДЕСЯТЬ РЕБЯТ ОДНОГО КОЛХОЗА

Фотоочерк Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Петр Никулин окончил 7 классов и школу ФЗО. Был на фронте. После ранения вернулся в родной колхоз и работает сейчас бригадиром плотников на строительстве.

После семилетки Иван Ваин окончил курсы радисто… Сейчас он работает на колхозном радиоуз…

У Николая Дормидонтова, ученика 9-го класса, вечером собрались товарищи послушать пластинки, на которые записаны песни, исполняемые его дядей, народным артистом СССР Максимом Дормидонтовичем Михайловым.

Председатель колхоза С. Коротков с сыном Виктором, учеником 9-го класса, у себя дома.

На Дальнем Востоке в частях Советской Армии проходит действительную военную службу сержант Иван Жерков.

Григорий Павлунин погиб смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины.

В группе детей Григорий Павлунин — второй слева.

Недавно, просматривая свой архив, среди множества старых снимков я нашел фотографию, сделанную десять лет назад, в колхозе имени Сталина, в селе Кольцовке, Чувашской АССР.

На ней были изображены колхозные ребятишки с председателем колхоза С. Коротковым.

Я решил посмотреть, что произошло за эти годы с детьми, которые в 1938 году попали в объектив моего аппарата. В январе этого года я вновь побывал в том же колхозе.

Неузнаваемым стал за прошедшие десять лет Кольцовский колхоз имени И. В. Сталина, награжденный в годы войны орденом Ленина. Изменился облик деревни, окрепло и выросло хозяйство артели. Особенно показательна судьба молодого поколения.

В вечер моего приезда в правлении собрались старожилы колхоза. Фотографию, которую я привез с собой, передавали из рук в руки, и я услышал рассказ о жизни и судьбе молодых людей колхозной деревни — героев фотографии.

На следующий день я встретился со «старыми знакомыми», вновь их фотографировал, а фотографии отсутствовавших получил у родных.

Александр Ванн окончил семилетку и школу ФЗО. Работает кузнецом в колхозной кузнице.

Вот — Дуня Васянина. Она учится в 6-м классе Кольцовской средней школы.

Николай Васянин, получив среднее образование, окончил затем авиационное училище. Сейчас лейтенант Васянин служит в истребительной авиации.

Александр Храмов окончил семилетку, работает в колхозе. Недавно он женился. Александр уходит утром на работу, провожаемый женой Марией.

ПЕРВЫЙ ТАНКИСТ

А. БУЛГАКОВ

Уточняя обстановку, генерал склонился над картой. Пять минут назад в штабе была принята тревожная радиограмма: отряд советских танков, вырвавшись далеко вперед, неожиданно встретил крупные силы противника и завязал упорный бой. Горючее кончилось. Боеприпасы на исходе. Враг наседает...

— Далеко вырвались, — сказал генерал, остановив взгляд на зеленом пятнышке, изображавшем безымянную рощу.

Затем, подняв глаза на штабных офицеров, он спросил:

— Ну, что вы предлагаете, товарищи офицеры?

В эту минуту стремительно вошел дежурный:

— Разрешите доложить?

— Докладывайте,— кивнул генерал.

— Танки противника замечены на подходе к штабу.

— Силы? — спокойно спросил генерал.

— Пока наши разведчики насчитали до восьми боевых машин.

Генерал задумался. У него не было сейчас резервов, чтобы как следует встретить врага. Одна единственная машина находилась в его распоряжении.

Кто-то из офицеров предложил поставить этот единственный танк в засаду для охраны штаба. Генерал ничего не ответил.

Тогда попросил разрешения высказать свои соображения подполковник Мельников.

Это был пожилой человек, выше среднего роста, могучего телосложения и несколько неповоротливый в движениях. Но эта неповоротливость была только внешней. В бою, в горячем деле Мельников преображался: был удивительно ловок, подвижен, находчив. В штабе он занимал должность заместителя начальника оперативного отдела, часто бывал в частях, и танкисты, особенно молодежь, любили его за спокойствие, храбрость, доброту и отзывчивость.

...Итак, подполковник Мельников излагал свое предложение. То, что он говорил, видимо, совпадало с мнением генерала. Слушая Мельникова, генерал сразу повеселел.

— Я предлагаю, товарищ генерал, — сказал Мельников, — собрать все горючее, слить в цистерны, погрузить боеприпасы на машины и пробиться к окруженному отряду.

— А как же штаб? — заикнулся кто-то.

— Займем круговую оборону, — коротко отрезал генерал. — Сейчас же объявите тревогу, мобилизуйте всех штабистов! И, резко повернувшись, он спросил, глядя в упор на Мельникова:

— Пробьетесь?

— Пробьюсь, товарищ генерал,—просто ответил подполковник, как будто вопрос о том, что именно он пойдет на выручку танков, был предрешен заранее. —Только разрешите взять ваш танк.

— Понятно, — коротко согласился генерал. — Берите машину, грузите бензин, боеприпасы и действуйте. Желаю успеха!

Мельников прорвался через вражеское кольцо, смыкавшееся вокруг штаба, и незаметно подошел с танком и машинами к безыменной роще, где танкисты держали железную оборону, ведя неравный бой с немецкими тяжелыми танками.

Мельников вызвал самого отчаянного разведчика, сопровождавшего бензиновые цистерны, и приказал ему незаметно проникнуть в рощу, в расположение наших танков.

— Скажи, пускай они, как стемнеет, заведут хотя бы один танк. Пусть соберут горючее по капле со всех машин и хоть на десять минут заведут мотор.

— Понятно, — отчеканил разведчик.

— Передай, что это будет сигналом. Как только они заведут машину, я рвану на своем танке к ним, а за мною бензоцистерны и машины со снарядами. Авось, немецкие балбесы собьются с толку — и мы пробьемся!

И все вышло так, как предполагал Мельников. Когда в роще раздался рокот танкового мотора, немцы решили, что русские танкисты что-то затевают, и обратили все свое внимание на них. Этим воспользовался Мельников и, налетев на врага с тыла, поджег два немецких танка и прорвался в рощу.

Пока танкисты заправляли машины, танк Мельникова отражал атаки взбесившихся немцев. В этом бою он подбил девять немецких танков. К рассвету бой завязался с новой силой, но на этот раз наступали уже наши танки.

Из этой трудной операции советские танкисты вышли с честью, и вскоре боевая колонна, возглавляемая Мельниковым, пришла к штабу. В этот день генерал горячо поздравлял старого танкиста.

— Есть еще порох в старых пороховницах! — смеялся, он, обнимая подполковника.

...Я встретил Прокофия Петровича Мельникова вскоре после этого эпизода, когда ему вручали боевой орден. На его груди было много правительственных наград, но об одном ордене он рассказал мне с особой теплотой.

Я слушал старого, скромного воина, помнившего дни, когда танковые силы Советской Армии только зарождались, и пронесшего славу советских танкистов через огонь сражений Великой Отечественной войны.

— Прежде чем начать воевать на первом советском танке, — сказал Мельников, — в моей жизни произошло такое событие...

Было это в 1917 году. Я служил шофером в бронеотряде, поддерживавшем большевиков, и стоял в Петрограде. В те дни Петроград переживал бурные события. К нам, броневщикам, приходили рабочие-большевики с Путиловского завода. Ну, и мы не оставались перед ними в долгу. Тайно, на пустырях, на окраинах, обучали отряды рабочих: учили их стрелять, действовать штыком и гранатой.

Как-то вечером Мельников и еще несколько надежных солдат получили приказание особенно тщательно проверить и подготовить свои броневики.

Третьего апреля четыре броневика двинулись к Финляндскому вокзалу. И только в пути командам сообщили, что они едут встречать вождя революции Владимира Ильича Ленина.

Мельников и еще один командир машины получили приказ поставить свои броневики в центре, а две другие машины расположились в разных концах вокзальной площади.

К приходу поезда площадь и прилегающие к ней улицы были переполнены народом. Представители фабрик, заводов, воинских частей пришли встречать великого Ленина.

Народ все прибывал.

— В большом зале митинг будет,— услышал Мельников чей-то голос из толпы.

— Жаль,— откликнулся на это пулеметчик Костромский.— От машины не отойдешь, а послушать Ленина хочется.

В это время пришел поезд, раздались крики приветствия, и какая же радость охватила и Мельникова, и шофера, и всех солдат и рабочих, когда дверь вокзала широко распахнулась и Ленин пошел прямо к броневикам! Приветствуемый со всех сторон народом Ильич легко взобрался на боевую машину. С броневика прозвучала его пламенная речь.

Образ Ленина, стоящего с поднятой рукой на броне, Мельников запечатлел на всю жизнь.

Контрреволюционные банды Юденича рвались к колыбели революции. Особенно большой урон красногвардейским частям наносили танки, полученные Юденичем от его английских и французских покровителей.

Однажды несколько человек из команды бронеотряда были вызваны в Смольный. Здесь во дворе стоял танк, изготовленный путиловскими рабочими. На его башне белой краской было выведено: «Танк № 1».

Прямо из Смольного на этом первом советском танке Мельников вместе с бронеотрядом направился на фронт. На Пулковских высотах танк получил боевое крещение. Метко выпущенным снарядом Мельников подбил вражеский танк, включил большую скорость и помчался навстречу пехоте врага.

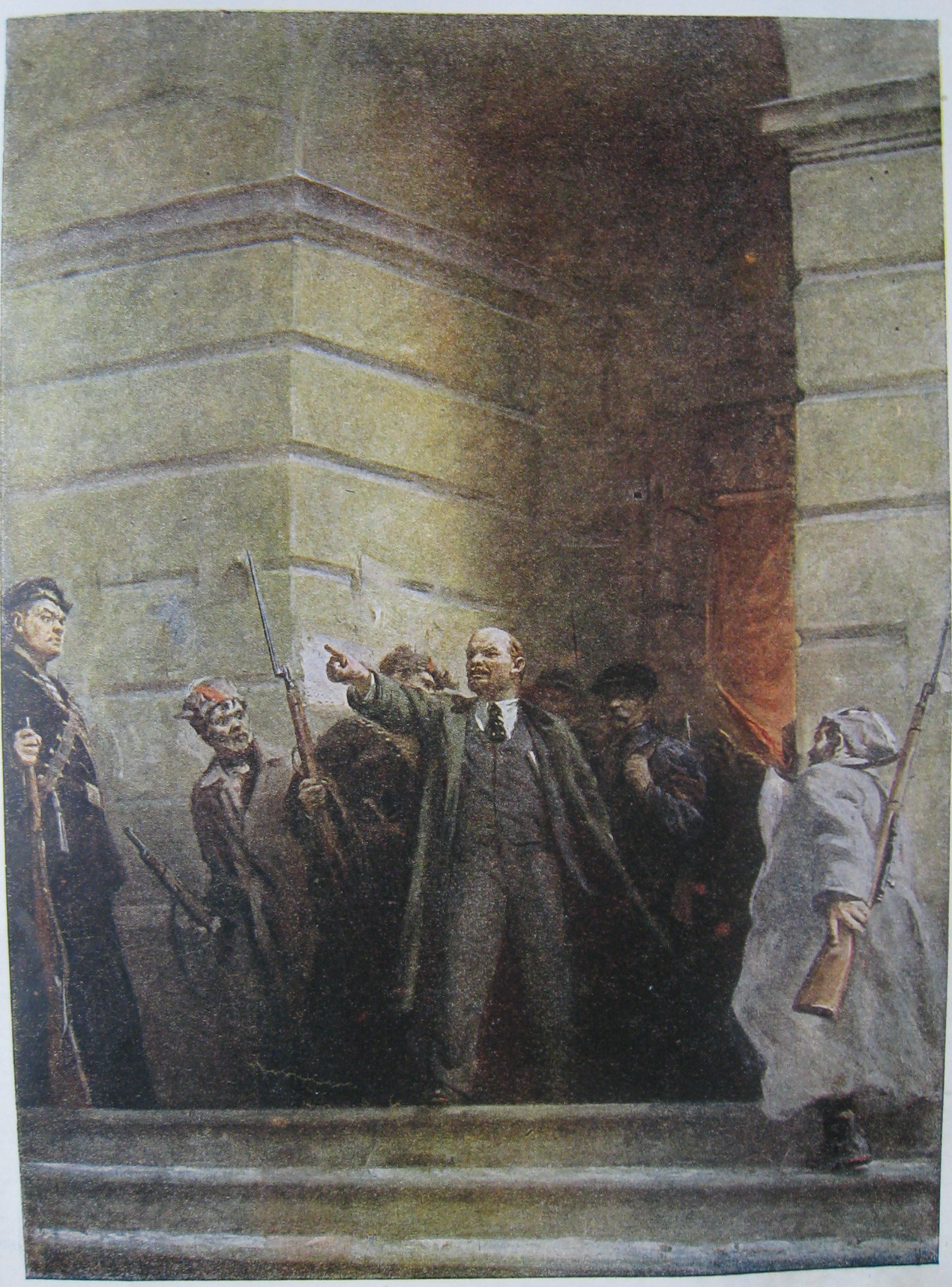
Увидев советский танк, поднялась в атаку и красная пехота. Это была первая комбинированная атака советских танкистов и пехоты, первая боевая дружба двух славных родов войск. На этом танке Мельников дрался в течение нескольких лет. Особенно отличился он во время сопровождения в атаку славных богунцев Щорса.

Прокофий Петрович показал мне тщательно завернутое и бережно хранимое удостоверение.

«Воина Рабоче-Крестьянской Красной Армии, командира танка № 1 Мельникова Прокофия за отличия в бою против врагов социалистического отечества в 1920 году у Новоград-Волынска наградить орденом Красное знамя»,—прочитал я.

«Призыв вождя». Картина художника И. М. Тоидзе.

В. Цыплаков. — «Ленин». Всесоюзная художественная выставка 1947 года.

А. Грицай. — Весна. Клязьма.

Всесоюзная Художественная выставка 1947 года.

В. Нечитайло. — Колхозное собрание. Кубань.

Всесоюзная Художественная выставка 1947 года.

Подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Румынской Народной Республикой. Подписывает Договор В. М. Молотов. На снимке (справа налево): г-н Г. Владеску-Ракоаса, г-н Л. Радачану, г-жа А. Паукер, г-н В. Лука, г-н Г. Георгиу-Деж, И. В. Сталин, г-н П. Гроза, А. Я. Вышинский, М. А. Буев, В. А. Зорин, С. И. Кавтарадзе, А. А. Лаврищев, Ф. Ф. Молочков, Б. Ф. Подцероб.

Фото М. Калашниковой.

Пребывание Румынской Правительственной Делегации в Москве

2 февраля в Москву прибыли Председатель Совета Министров Румынской Народной Республики г. П. Гроза, Министр Иностранных Дел г-жа А. Паукер, Министр Промышленности и Торговли г. Г. Георгиу-Деж, Министр Труда и Социального Обеспечения г. Л. Радачану, а также Генеральный Секретарь Министерства Иностранных Дел г. Э. Мезинческу.

В результате переговоров между Председателем Совета Министров СССР И. В. Сталиным и Министром Иностранных Дел СССР В. М. Молотовым, с одной стороны, и Председателем Совета Министров Румынской Народной Республики д-ром П. Гроза, Министром Иностранных Дел г-жой А. Паукер, Министром Промышленности и Торговли г-ном Г. Георгиу-Деж, Министром Труда и Социального Обеспечения г-ном Л. Радачану и Министром Финансов г-ном В. Лука, с другой стороны, был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Румынской Народной Республикой.

Договор подтвердил неуклонное стремление обеих стран укреплять и развивать отношения дружбы и сотрудничества между ними, а также их желание сотрудничать в целях обеспечения всеобщего мира и безопасности народов. Через все статьи Договора проходит стремление Советского Союза и Румынии «самым искренним образом участвовать во всех международных действиях, имеющих целью обеспечение мира и безопасности народов» в соответствии с целями и принципами организации Объединенных Наций. Советский Союз и Румынская Народная Республика обязуются предпринимать совместно все меры, находящиеся в их распоряжении, для устранения любой угрозы повторения агрессии со стороны Германии или какого-либо другого государства, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме.

Договор с Советским Союзом Румыния подписала как равноправное государство. Договор предусматривает дальнейшее развитие и укрепление экономических и культурных связей между обоими государствами на основе взаимного уважения к их независимости и суверенитету, а также невмешательства во внутренние дела другого государства.

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Румынией является новым свидетельством последовательной борьбы СССР за демократический мир и обеспечение безопасности народов.

БЛАГОРОДНЫЙ ПОЧИН МОСКВИЧЕЙ

Недавно строительство, где работает знатный каменщик Москвы депутат Верховного Совета РСФСР Федос Шавлюгин, посетила группа молодежи. Гости пришли познакомиться с прославленным строителем, который за смену укладывает восемь вагонов кирпича и несколько десятков тонн раствора.

Беседа длилась недолго. Федос Дмитриевич поднялся на леса строящегося дома и пригласил за собой молодых москвичей.

— Опять к тебе экскурсанты? — спросил Шавлюгина один из каменщиков.

— Нет, браток, на этот раз не экскурсанты, а наши будущие помощники...

Гости Шавлюгина—молодые рабочие и служащие ряда заводов и учреждений Москвы — решили перейти на работу в одну из строительных организаций Москвы.

Началось все с комсомольца Евгения Яковлева, квалифицированного токаря, руководителя молодежной бригады небольшого московского завода. Узнав, что стройки Москвы нуждаются в рабочей силе, Яковлев решил переменить свою профессию.

Знатный каменщик столицы депутат Верховного Совета РСФСР тов. Ф. Д. Шавлюгин беседует с токарем московского завода «Гостеасвет» Е. Яковлевым, который подал заявление о переходе на строительство жилищ.

Фото Н. Киреева и П. Маныча (ТАСС).

О патриотическом поступке Яковлева скоро узнали на других заводах и в учреждениях столицы. В Московском городском комитете комсомола корреспонденту «Огонька» показали сотни заявлений, которые поступили от молодежи Москвы. Юноши и девушки — рабочие и служащие учреждений, предприятий — пишут о своем желании перейти на стройки, помочь быстрее соорудить жилые дома для трудящихся.

«С большой радостью я встану на леса жилых строек»,— пишет слесарь-водопроводчик А. Фокин.

«Желаю участвовать в большой работе по реконструкции любимой столицы»,— заканчивает свое заявление работница прядильной фабрики комбината Трехгорной мануфактуры Т. Судакова.

1345 заявлений поступили только за два дня в городской и районные комитеты комсомола столицы.

Письма и заявления от москвичей, желающих пойти работать на строительство, поступают также в райкомы партии, райсоветы и Московский Совет.

Благородный почин патриотов столицы подхвачен!

ЮБИЛЕЙ М. М. ПРИШВИНА

5 февраля исполнилось 75 лет со дня рождения и 50 лет творческой деятельности М. М. Пришвина. Юбилейный вечер в Центральном доме литераторов открыл Л. Леонов. С приветствиями выступили С. Маршак, Л. Кассиль, К. Паустовский, Вл. Лидин, действительный член Академии медицинских наук СССР Н. Семашко, представители охотничьих обществ, Детгиза, журнала «Дружные ребята», газеты «Пионерская правда».

Н. Асеев и П. Шубин прочли стихотворения, посвященные юбиляру.

ЦК ВЛКСМ наградил М. М. Пришвина почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

На вечере были зачитаны приветствия Министра просвещения РСФСР А. Вознесенского, генерального секретаря Союза советских писателей А. Фадеева и др.

На снимке: М. М. Пришвин выступает с ответным словом.

Фото Е. Тиханова

ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

ЗАМЕТКИ О СЕССИИ

Муталиб Зейнал Оглы Бабаев,
депутат Верховного Совета СССР

Фото А. Гостева

С чувством волнения и радости я входил в Кремль на заседания сессии Верховного Совета СССР. Это волнение охватывает меня каждый раз, когда я приезжаю в Москву на сессию верховного органа нашей страны. Когда здесь, в Кремле, встречаешь таких же, как я, избранников народа — людей десятков национальностей, съехавшихся сюда с различных концов нашей великой Родины для решения важнейших государственных вопросов,— чувствуешь, какие замечательные результаты дала ленинско-сталинская идея дружбы народов, осуществление которой так подняло и возвысило национальную гордость народов, населяющих наш Союз.

Волнующей была встреча депутатов с нашим великим вождем и учителем товарищем Сталиным, мудрым кормчим советского государства, вдохновителем и организатором всех наших побед.

С огромным подъемом на сессии прошло обсуждение государственного бюджета СССР. С сознанием высокого долга перед своими избирателями депутаты обсуждали государственную финансовую программу, программу дальнейшего подъема могущества нашей Родины.

Я с большим волнением слушал выступление депутата П. К. Пономаренко, Председателя Совета Министров Белорусской ССР, который рассказывал о том, в каких огромных масштабах белорусский народ ведет восстановительную работу для ликвидации последствий гитлеровского нашествия. За время войны сотни тысяч белорусских семей лишились крова и проживали в землянках. В результате помощи советского правительства с момента освобождения Белоруссии от вражеской оккупации там построено 327 тысяч домов и в эти дома вселено более 1 миллиона 800 тысяч человек, проживавших в землянках или совсем не имевших крова.

Депутат Эстонской республики Н. Г. Каротамм прекрасно рассказал о том, как эта маленькая страна, которую иностранные капиталисты и местные лакействующие националисты низвели на положение колонии, за короткий срок благодаря советской власти достигла большого расцвета. Я слушал это выступление и думал, какое огромное, животворное влияние на народы оказывает социалистический строй.

Депутат П. С. Попков, секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), сообщил сессии о производственных успехах Ленинграда и Ленинградской области. Трудящиеся города Ленина закончили годовую программу к 30-й годовщине Октябрьской революции. Когда я слушал выступление тов. Попкова, перед моими глазами вставали страшные годы блокады. Героические ленинградцы выстояли. Они защитили свой город, отстояли его от врага, а сейчас, после войны, явились инициаторами борьбы рабочего класса нашей страны за выполнение пятилетки в четыре года.

Депутаты Верховного Совета СССР Герой Социалистического Труда звеньевая колхоза «Сощперемога» (Киевская область) М. Г. Лысенко (справа) и звеньевая колхоза «XII лет Октября» (Киевская область) Е. А. Гопкало.

Депутат Верховного Совета СССР Муталиб Зейнал Оглы Бабаев.

В прениях по докладу министра финансов тов. А. Г. Зверева на заседаниях Совета Союза и Совета Национальностей выступило около 50 ораторов. Если кратко сформулировать смысл этих речей, то можно сказать, что эти товарищи говорили об огромном пути, который прошел наш народ под руководством великой партии большевиков после войны. Каждый оратор говорил об успехах своей республики, области, края, района в претворении послевоенной сталинской пятилетки. Мне выпала честь выступить на заседании Совета Союза. Я рассказал о том, каких успехов достигли трудящиеся Азербайджана, какую долю они внесли в славный итог минувшего года. Нефть является ведущей отраслью промышленно-

За неделю

1. БЕЗ ДОТАЦИИ

В дни, когда народные избранники, собравшись в Кремле на очередную сессию Верховного Совета СССР, обсуждали грандиозную финансовую программу третьего года послевоенной пятилетки, в печати был опубликован документ, имеющий важное значение для народного хозяйства социалистического государства. Руководители девяти московских предприятий, выполняющих свои плановые задания, но еще не работающих рентабельно, в письме на имя товарища Сталина заявили, что они отказываются от государственной дотации.

Почин москвичей подхвачен коллективами многих предприятий в других городах. Это движение сэкономит стране сотни миллионов рублей. Резервы экономии и расширения источников социалистического накопления имеются на каждом заводе, каждой фабрике. К этим резервам относятся: совершенствование технологии и организации труда, бережное расходование сырья, материалов, топлива и электроэнергии, ликвидация брака, сокращение накладных расходов. Совсем недавно по инициативе слесаря 2-го Московского часового завода Андрея Якушина началось составление стахановских планов борьбы с потерями на производстве. И что же? За считанные дни благодаря этому движению на предприятиях Министерства машиностроения и приборостроения внесено около семи тысяч рационализаторских предложений, реализация которых сэкономит свыше 23 миллионов рублей. Нетрудно представить, какой огромный эффект даст это, если вся наша промышленность будет работать рентабельно.

Слесарь-стахановец 2-го Московского часового завода Андрей Якушин.
Фото Э. Евзерихина (ТАСС)

На призыв москвичей откликаются не только заводы, до последнего времени получавшие дотацию от государства, но и те, которые уже в прошлом давали прибыль. Ленинградский завод «Линотип», например, сократив в 1947 году стоимость одного линотипа на сорок процентов, отказался тогда же от дотации и получил за год около шести миллионов рублей прибыли. Сейчас завод обязался удешевить продукцию еще на 19 процентов. Следовательно, его социалистические накопления снова увеличатся.

Снижая себестоимость и повышая рентабельность предприятий, советские люди получат возможность убыстрить темпы восстановления и развития народного хозяйства, в более короткие сроки закончить программу послевоенной сталинской пятилетки.

2. ПЛОДЫ КОЛХОЗНОГО ТРУДА

В старейшем на Ставропольщине колхозе «Коммунистический маяк» надиях состоялось отчетно-выборное собрание. Участники собрания слушали доклад своего председателя А. В. Чухно, пятнадцать лет руководящего колхозом: государству сдано в прошлом году значительно больше хлеба, чем намечалось планом; перевыполнены задания по поставке мяса, молока, шерсти; годовой доход колхоза превысил 1600 тысяч рублей; сооружен молочный завод, возведено тридцать хозяйственных построек...

После доклада колхозники единодушно постановили реализовать к концу четвертого года пятилетний план своей артели.

«Пятилетку — в 4 года!» — лозунг, родившийся в промышленности, подхвачен и колхозной деревней. Итого-

РАССКАЗЫ ОХОТНИКА

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

Рисунки К. Елисеева

Сыч - воробей

Ранней весною я возвращался с охоты. Я шел по лесу знакомой дорогой, и в ночной темноте над моей головою послышался странный негромкий звук. Этот странный звук перемещался; было похоже, что меня настойчиво преследует какая-то ночная неведомая птица. Чтобы приманить птицу, я стал подражать странному звуку. Невидимый провожатый охотно стал откликаться.

В темном лесу мне не удалось разглядеть таинственного провожатого, и, выйдя на лесную опушку, я остановился. На фоне звездного неба рисовались черные ветви деревьев. Здесь, на краю леса, я надеялся увидеть незнакомую птицу.

Я стоял под деревьями, продолжая тихо манить. Небольшая темная тень пролетела над самой головою, бесшумно уселась на ветке. В ночной темноте трудно точно прицелиться. Я зарядил ружье мелкой дробью и, не видя на ружье мушки, выстрелил наудачу.

После выстрела лес примолкает. Я зажег спичку, стал смотреть под деревьями. На засыпанном опавшею хвоей снегу, раскинувши крылья, лежала маленькая серая птичка с круглой совиной головкой.

В подстреленной птичке я признал сыча-воробья. В наших лесах эта птичка встречается редко, а днем ее трудно увидеть. Обычно она прячется в дуплах деревьев, а по ночам вылетает на охоту.

Дома я внимательно рассмотрел редкостную добычу. Сыч-воробей был немного больше обыкновенного воробья. Круглою головою, ушами, острым изогнутым клювом он напоминал своего большего собрата, лесного сыча.

Из шкурки сыча-воробья я решил сделать чучело для своего кабинета, в котором хранится множество добытых мною охотничьих трофеев.

Через несколько лет мне пришлось проходить тем же лесом. На краю вырубки, возле только срубленной и распиленной на дрова толстой осины, теплился огонек, грелись и отдыхали знакомые колхозники-лесорубы.

— Погляди-ка,— сказали они, прикурив от моей трубочки, — и разгадай нашу лесную загадку...

В верхней части лежавшей на снегу распиленной и расколотой осины лесорубы показали выдолбленное дятлом жилое дупло. Узкое круглое отверстие дупла, как крышей, было прикрыто большим грибом-наростом. В глубине этого, покинутого дятлом дупла оказался склад продовольствия. Вытряхнув на снег содержимое, я насчитал шесть мертвых клестов и одиннадцать замороженных мышей. Я хорошо знал, что многие птицы и звери бережливо прячут свои запасы. Не раз в дуплах и под корнями деревьев мы находили наполненные отборными орехами лесные кладовые белок и бурундуков; сороки и сойки на моих глазах прятали в укромных уголках свою добычу. В подземных кладовых мышей хранятся многолетние запасы старательно высушенного сена и зерна. Обнаруженная лесорубами кладовая принадлежала какому-то запасливому хищнику, быть может, имевшему в лесу много таких складов.

Редкая находка очень меня заинтересовала. Кто мог убить и спрятать в птичьем дупле этих клестов и мышей? Злейший лесной хищник — куница — не могла пролезть в узкое отверстие дупла. Маленькая ласка, промышляющая на земле под корнями, вряд ли решится забраться под вершину высокой гладкой осины.

Крепко задумавшись над трудной лесной задачей, я направился через лес к дому. Недалеко от поваленной осины слышались тревожные голоса птиц. Я узнал стрекотанье сорок и хлопотливый крик соек. К поднятому этими птицами шуму примешивался тревожный свист синиц.

Чтобы узнать о причине переполоха, я свернул с дороги и осторожно приблизился к лесной маленькой полянке. На острой еловой макушке сидел сыч-воробей. Множество лесных птиц его осаждало. На дневном свете он казался беспомощным, круглая совиная головка его хохлилась и медленно вращалась. Наверное, ослепленному дневным светом маленькому лесному разбойнику пришлось бы совсем плохо, но он вдруг расправил крылья и, тихо и бесшумно планируя, нырнул под нижние ветки густой елки, почти у моих ног.

«Так вот кто жил в осиновом дупле, охотился и прятал свою добычу!» — подумал я, заглядывая под накрытую снежною нависью густую зеленую елку.

Не сходя с места, я хорошенько рассмотрел плотно прижавшегося к стволу елки сыча-воробья и, осторожно протянув руку, быстро накрыл его шапкой.

Пойманного мною живого сыча-воробья, несомненно, выгнали на дневной свет свалившие осину лесорубы, и занимавшая нас лесная загадка сама собой разрешилась. Обитавший в дупле маленький разбойник приносил и хозяйственно складывал свои продовольственные запасы. На клестов и мышей он охотился ночью, хватал спящих птичек на ветвях деревьев и убивал их. Разумеется, птицы знали его и ненавидели. Как все хищные совы, он отрывал у пойманных птичек головы и выщипывал крупные перья.

Дома я выпустил маленького разбойника в комнату и стал приручать. Он охотно брал застреленных воробьев, а ночью, вылетая из убежища, сам ловил домашних мышей, старательно раздирая их на куски. Днем он обычно сидел под кроватью, забравшись в голенище старого валенка, которое ему заменяло дупло, а вечером неизменно выбирался из своего дневного убежища. Придерживаясь клювом, он, как попугай, лазил по моим книжным полкам, бесшумно летал по комнате. Иногда он присаживался на письменный стол и при свете лампы делал мне уморительные гримасы.

Весною сыч-воробей стал издавать те самые звуки, которые я некогда услыхал в лесу. Звуки эти будили меня, но я скоро привык к ним, как мы привыкаем к обычным шумам и голосам. С наступлением весенней охоты эти звуки для меня стали необходимостью. Сыч-воробей будил меня, как самый верный будильник, и за всю весну я ни единого разу не проспал глухариного тока.

Филин

Летом однажды мне пришлось пробовать новое ружье. Я вышел в лес на глухую поляну, где никто не мог помешать. Повесив на толстой осине мишень и отсчитав шаги, я хорошенько прицелился и выстрелил пулей. Пуля насквозь пробила осину, а после выстрела из дупла вылетела огромная птица с большою круглою головою. Ослепленная дневным светом, птица неуклюже уселась на старой осине.

В необыкновенной птице я узнал филина, голос которого мы слушали по ночам в лесу. Из рассказов охотников я знал, что в птичьем мире филин слывет самым злым и страшным хищником, которого все птицы боятся и ненавидят. Чтобы приманить хищных птиц, охотники сажают на дерево чучело филина, и тогда со всех сторон слетаются ястреба и вороны чинить расправу над своим лютым врагом.

В самом облике ночной страшной птицы есть нечто зловещее. Филин сидел, как копна, на осине, и его круглая, с ушами, кошачья голова медленно вращалась, а ослепленные светом большие глаза беспомощно закрывались.

Я не торопился убивать редкостную птицу и, спрятавшись за стволом дерева, стал наблюдать. Филин сидел почти неподвижно, только ушастая голова его медленно вращалась, как на шарнире. Головастое чудовище, сидевшее на голой осине, было видно со всех сторон издалека.

С появлением филина на моих глазах в лесу стало совершаться нечто необычайное. Первыми заметили филина неведомо откуда появившиеся стрекотухи-сороки. С особенным тревожным и злым стрекотаньем закружились они над осиной. Они кружились, взлетали и падали, присаживались на сучки и тотчас взлетали. Беспокойное их стрекотанье как бы возвещало по всему птичьему царству большую тревогу.

— Тра-та-та! Тра-та-та!..— трещали, слетаясь со всех краев, сороки.

Точно по птичьему радио был передан этот сорочий сигнал тревоги. С реки, с полей, из леса на сорочье стрекотанье торопливо летели вороны и вóроны, откуда ни возьмись, появились большие и малые ястреба, тучею кружились галки. Птицы слетались на великий суд над ненавистным разбойником. Они кружились, подсаживались ближе и ближе к филину, угрюмо ворочавшему ушастою головою. Даже самые маленькие птички смело подлетали к нему. Сбитый нападавшими птицами, филин распустил крылья и, преследуемый всей птичьей оравой, неловко переместился на соседнее дерево. Но и здесь птицы не оставляли его, все настойчивее и смелее теребили его и клевали.

Чтобы не дать свершиться жестокому самосуду, я поднял ружье, прицелился. Убитый наповал, филин упал с дерева. Напуганные выстрелом птицы еще долго кружились надо мною, но отчаяннее всех суетились и трещали неугомонные сороки...

Каждую весну я выезжал в исхоженные мною лесные угодья. Знакомый егерь Егорыч показал мне глухариный ток, и, разумеется, я хорошо запомнил указанное место.

После двухлетнего перерыва довелось мне еще раз побывать на этом глухарином току. Старинный приятель Егорыч встретил меня, с досадою покачивая головой:

— Плохо наше дело,— сказал он.— Наш глухариный ток нынче стал не тот. Дай бог, чтобы на всем току несколько птиц живых осталось.

— Браконьеры, что ли, завелись? — спросил я.

— Какие у нас браконьеры! Будет похуже.

— Да что такое?

— Филин! Филин разбойничает на току.

Я и прежде слыхивал от старых охотников о проказах филина, охотящегося на глухариных токах. По словам этих охотников, где повадится филин,— глухариному току конец. Охотится филин так же, как люди, пользуясь беззащитностью токующих птиц.

— Что же совсем, что ли, птицы не стало? — с грустью спросил я Егорыча.

— Есть птица, да ток теперь стал не тот, далеко не тот,— ответил мне старый приятель.

Под вечер я один отправился в лес на знакомое место. Уже на подслухе (обычно охотники приходят на ток перед закатом солнца, чтобы заранее услышать, где усаживаются вечером на деревьях слетающиеся птицы) я заметил перемену. Глухари слетались лениво и рассаживались осторожно, по краям токовища.

Возвращаясь с подслуха, я натолкнулся в темноте на черный предмет. Нагнувшись, я рассмотрел мертвого глухаря. Голова и крылья были целы. С груди и спины мясо было общипано, торчали голые кости скелета. Я знал, что звери — лисицы, норки, хорьки,— поймав крупную птицу, обычно съедают голову. Осмотрев глухаря, я решил, что его убил хищник пернатый. «Наверное,— подумал я,— это проделки филина, расстроившего мне охоту и уничтожившего глухариный ток...»

С большим негодованием на лесного разбойника устраивался я на ночлег. Сидя у костра, я вспоминал прежние удачные охоты. «Только бы мне попался этот разбойник!» — злорадно думал я, и рука тянулась к ружью.

Ранним утром, еще до рассвета, я затоптал костер и, оправив свое охотничье снаряжение, отправился на ток. Я шел тихо, прислушиваясь к звукам, наполнявшим просыпавшийся лес. Иногда я останавливался, думал: «Только, только бы встретить лесного разбойника!»

Я долго бродил по токовищу. Пело всего две—три птицы. Глухарь пролетел над моей головою, я не вытерпел, выстрелил в лет, и огромная птица, ломая ветви, грузно упала на землю. Я поднял птицу, спрятал в мешок и, присев на пень, закурил трубку.

Странный, очень громкий, как бы наполнивший весь лес звук поразил мой слух. Я услыхал шум близкой борьбы, громкое хлопанье крыльев, раздававшееся по всему лесу. Схватив ружье, я со всех ног бросился на раздававшиеся звуки. «Филин, это филин поймал и убивает глухаря!» — думал я, продираясь сквозь густую чащобу. Задетая сучком, шапка слетела с меня. Не обратив внимания на потерю, я бежал на непрекращавшийся звук борьбы. Ружье я держал наизготовке.

На краю раскрывшейся перед глазами лесной зеленой поляны я остановился. То, что я увидел, не соответствовало ожиданиям. Вместо разбойника филина, приканчивающего свою добычу, я увидел дерущихся самцов глухарей. Это был настоящий рыцарский турнир. Одетые в бронзовые латы, лесные рыцари бились на покрытой бархатным мохом арене, а их прекрасные дамы, поквохтывая и ободряя бойцов, сидели вокруг на березах.

Пораженный чудесным зрелищем, едва переводя дух, я остановился. Боясь двинуться, я стоял за стволом дерева, и передо мною продолжался лесной турнир. Я близко видел надувшиеся шеи и красные брови. Громкое хлопанье раскатами наполняло лес.

Не знаю, долго ли продолжался поединок. Лесные рыцари то расходились, следя друг за другом, то вновь сшибались. Вдруг один лесной рыцарь не выдержал — я не мог понять причины его поражения — и, опустив голову, пустился пешком наутек. Я видел, как за деревьями мелькает черная его шея. Не переставая рассыпать песню за песней, его преследовал торжествующий победитель.

С большим трудом я нашел в чащобе потерянную шапку и вернулся к своему костру. Разбойника-филина увидеть не удалось. От Егорыча, приезжавшего летом в город, я узнал о судьбе знаменитого глухариного тока. Начав разбойничать, филин перевел на току всех глухарей, и богатое токовище совсем запустело.

Однажды, бродя по лесу, Егорыч нашел гнездо филина. Огромная птица взлетела с земли, и, подойдя ближе, Егорыч увидел два больших яйца, лежавших на голой земле под сосною. За поимку и отстрел хищников охотникам полагается награда и, найдя гнездо филина, любивший выпить Егорыч начал заранее подсчитывать будущие доходы.

«Вот хорошенько примечу сосну и гнездо, подожду, когда выведут детей, тогда прикончу всех,— думал он, рассчитывая побольше заработать.— Будет мне премия тройная. А если доведется всех взять живьем, пожалуй, в десять раз больше заплатят».

В надежде на большую премию и предстоящую выпивку весело возвращался Егорыч домой. Через неделю он решил проведать замеченное гнездо. К его величайшему изумлению, под сосною не оказалось ни филина, ни яиц. Яичной скорлупы тоже не было. Несомненно, почуяв опасность, разумные птицы перенесли на новое место свои яйца, и рассчитывавший на хорошую выпивку Егорыч остался с носом.

Охота на Кавказе

Я познакомился с ним на колхозном базаре. Он стоял посреди площади, оскалив свои белые зубы, гордо отставив ногу в дырявом и пыльном чувяке, высоко держа сухую, носастую, небрежно повязанную башлыком голову. Концы башлыка живописно свисали на его покатые плечи. Тоненький, оправленный серебром ремешок перетягивал талию. Одежда его была ветха и пыльна, а в дырьях старых штанов, изодранных о лесные колючки, сквозило худое смуглое тело. Странной казалась при всей бедности одежды охотника гордая его осанка, дорогой серебряный поясок.

На левом плече Нестора сидел ученый ястреб. Охотник гордо осматривал проходивших мимо людей, скалил зубы и улыбался. Ястреб на его плече сидел смирно, изредка встряхиваясь, и поворачивал во все стороны свою клювастую плоскую голову, позванивая колокольчиками, привязанными к груди и ноге. Было какое-то сходство в самом охотнике с сидевшим на его плече ястребенком.

Все было чудесно и замечательно вокруг! Яркое и высокое солнце, синее море и лиловые над городком горы. Абхазец-колхозник недвижимо восседал над корзинами с виноградом. Огромный буйвол, запряженный в арбу, стоял на дороге и, положив на спину толстые рога, лениво жевал. Двое мингрелов-рабочих, загорелых и черных, сидели на корточках на земле, разговаривали и курили.

Охотник Нестор пришел на базар продавать добытую дичь. Неделю назад, когда на побережье высыпали пролетные перепела, он с утра до вечера бродил с легкой палкой в руке, с обученным ястребенком, у которого на левой ноге был привязан маленький колокольчик. Он ходил не торопясь, пошевеливая в кустах палкой, и оттуда дождем вылетали ожиревшие тяжелые перепелки. Нестор сбрасывал с руки ястребенка, и ястребенок стрелою падал на неповоротливую, летевшую над травою птичку. По звону колокольчика Нестор отыскивал в кустах добычу, отнимал у ястреба перепелку и, свернув ей голову, подвешивал к своему серебряному пояску. Перепелиный легкий пух плыл за ним по теплому воздуху.

Познакомил меня с Нестором мой приятель-абхазец.

— Это большой охотник,— сказал абхазец,— он много ходит, много знает, может ходить на охоту без собаки. Кукурузу сажать не любит, на охоту ходить любит. Ты пойди с ним, он тебе покажет.

Вечером мы вместе сидели в духане. Нестор долго отказывался от предложенного стакана вина. Мне очень нравилось его лицо, орлиный нос, сдержанная важность. Соблюдая достоинство, он пил мало, говорил того меньше. Ястреб попрежнему сидел на плече его.

Поутру, как было условлено, Нестор явился меня будить.

Мы вышли на охоту рано. Еще лежала на траве и деревьях седая роса, сильно и пряно пахли кипарисы. Сизая дымка висела над морем и над горами. Мы прошли садами по каменной, поросшей травою тропинке. Нестор шел впереди. На его плече качался длинный бамбуковый шест. Другого оружия при нем не было. Он шел, легко ступая своими обутыми в худые чувяки ногами, высоко держа обмотанную башлыком черную голову. Нас, охотников с ружьями, было трое. Мы едва поспевали за быстроногим нашим проводником.

Мы шли садами и убранными полями с торчавшими из земли сухими стеблями кукурузы, колючими кустарниками, росшими по закрайкам полей, по местам, где ночью кормились зайцы. Нестор внимательно осматривал и, казалось, обнюхивал каждый куст. Задневавший в долине шакал выскочил из-под наших ног и стрелою помчался в горы. Нестор пронзительно свистнул ему вслед. У густого, проросшего высокой травою куста провожатый наш остановился и поднял руку. Два раза он обошел куст, точно принюхиваясь. Потом поставил нас вокруг куста и снял с плеча длинную палку. Лицо его было торжественно. Мы остановились подле куста с приготовленными ружьями, ждали; я смотрел в лицо Нестора и не мог удержаться от улыбки. Еще раз обойдя куст, он стал шуровать в траве палкой, совершенно так, как деревенские рыболовы шуруют под берегом, ловя рыбу и раков. Тотчас из куста на меня выскочил крупный заяц-русак и, положив на спину уши, заковылял по чистому полю. Это было так негаданно, что я забыл выстрелить. Нестор свистнул, пощелкал языком и укоризненно покачал головою.

Мы проходили все утро. Нестор внимательно осматривал каждый куст. Иногда он останавливался, поднимал руку, и мы привычно располагались вокруг указанного куста и приготавливали ружья. Мне была непостижима способность Нестора учуивать в кустах затаившихся зайцев. Я внимательно следил за всеми движениями его, стараясь раскрыть занимавший меня секрет несторова охотничьего чутья.

В обед мы подошли к хатенке Нестора. Это была сбитая из тесу, обмазанная известью маленькая избушка. Трудно было представить, как в этой избушке помещается вся многоголовая несторова семья. Два дерева с голыми сучьями стояли у «въезда» в несторово поместье. Узластый стебель виноградной лозы с подсохшими кистями черного винограда обвивал эти деревья и всю ободранную крышу хатенки. На раз-

СЕМЬЯ ТАНВЕЛЬ

Текст и фото О. КНОРРИНГА

Прошлым летом Мария Яновна Танвель, колхозница из села Сальми, Абхазской АССР, побывала у себя на родине, в Эстонии. Около пятидесяти лет назад, еще девочкой, покинула она родные места. И теперь впервые довелось ей увидеть свою обновленную родину.

Радостно встретили Марию Яновну односельчане. Но к рассказам старой колхозницы они отнеслись недоверчиво. Очень уж необычным показалось эстонским крестьянам все то, что услышали они от своей гостьи, прилетевшей с далекого Кавказа.

Вначале они не поверили и тому, что она прилетела на самолете. Где это видано, чтобы простая крестьянка могла летать! И совсем невероятным показалось им то, что рассказала Мария Яновна об эстонских колхозах на Кавказе и о жизни своей семьи.

В конце прошлого столетия под давлением помещиков-немцев, захвативших в Эстонии почти все земельные угодья, тысячи семей эстонских крестьян были вынуждены переселиться в глубь России. Несколько эстонских семей обосновались в селении Сальми, в Абхазии. В 1930 году разрозненные хуторские хозяйства объединились в колхоз. Тогда-то и началась настоящая жизнь, произошли в ней те перемены, к которым так недоверчиво отнеслись былые земляки Марии Яновны Танвель.

Вверху слева—клуб колхоза имени Сталина в селении Сальми, Абхазской АССР; **справа**—Мария Яновна Танвель на своем приусадебном участке. **Внизу слева**— семья Танвель на колесах; **справа**— Альма Яковлевна Танвель осматривает телятник.

Заведующая молочно-товарной фермой Альма Яковлевна Танвель.

Танвель живут все вместе. Но это две семьи, две обычных семьи в колхозе имени Сталина. Ян Михайлович — рядовой колхозник. Мария Яновна— сторож молочно-товарной фермы. Сын Михаил Янович — фуражир фермы. Его жена Альма Яковлевна окончила зоотехникум и заведует фермой. Их семилетняя дочь Эльми ходит в школу.

Танвели живут в собственном доме, крытом оцинкованным железом. В нем четыре комнаты и кухня. Во дворе три сарая для скота и для фуража: в хозяйстве Танвелей две дойных коровы, две телки, две свиньи и много кур. На приусадебном участке разбиты прекрасный сад и огород.

За год семья заработала 2050 трудодней и получила: 51 тысячу рублей деньгами, свыше 2 тонн зерновых культур, полтонны овощей, 100 килограммов сушеных фруктов, 70 килограммов меда, около 200 литров вина и много других продуктов.

Немалый доход принес приусадебный участок: излишние продукты Танвели продали на рынке.

Кроме этих доходов Мария Яновна, Альма Яковлевна и Михаил Янович за отличную работу и перевыполнение плана по удою молока и выходу поголовья молодняка получили от правления колхоза премию: телку, поросенка и 600 литров молока.

— Что и говорить, — улыбается Михаил Янович, — живем неплохо! В колхозе у нас все свое: две школы, больница, заканчивается постройка гидроэлектростанции, выстроен колхозный клуб, есть свое кино, организован духовой оркестр, разные кружки.

Хоровой коллектив колхоза имени Сталина летом 1947 года ездил в Таллин на певческий праздник. Хотя только старики-колхозники помнят Эстонию, язык, народные обычаи и нравы сохранились в семьях. Все дети говорят по-эстонски.

— Недавно я летал в Москву, — рассказывает Михаил Янович, — у меня там брат-шофер. Купил пять мотоциклов: один — для себя, другие четыре — для товарищей. Верите, никак не хотели брать столько машин на самолет! С трудом уговорил. Зато теперь вся наша семья на колесах! У отца и у меня мотоциклы, у жены велосипед (но и она поговаривает о мотоцикле), у дочурки тоже свой маленький велосипед...

Несколько месяцев назад десятки крестьян-эстонцев побывали в колхозе имени Сталина, что в селе Сальми, Абхазской АССР. Они осмотрели хозяйство, побывали в домах колхозников, заглянули даже в бухгалтерские книги.

Да, для сомнений не осталось места! Все, о чем рассказывала им Мария Яновна Танвель, было сущей правдой.

вилине старого дерева были сложены кукурузные листья — заготовленный на зиму корм.

Худая, высокая женщина встретила нас на пороге. В сакле был земляной пол, чугунный закопченный котел висел на цепи, прикрепленной под крышей к черным, тускло блестевшим смолою стропилам. По углам в ворохе кукурузных листьев копошились голые ребятишки. Нестор принял нас с торжественным церемониалом. Мы восседали на земле вокруг горевшего под котлом огня, пили молодое красное вино и по обычаю произносили приветственные речи. Хозяйка угощала нас кукурузой.

Когда мы выпили по стакану, я решил расспросить Нестора о его замечательном уменье находить зайцев.

— Ты удивительный охотник,— сказал я Нестору, поднимая стакан.— Я много ходил на охоту и много встречал охотников. А еще ни разу не встречал такого, чтобы сам мог чуять дичь и находить зайцев, как это делаешь ты. Я здесь человек новый и хочу все знать: скажи мне, пожалуйста, как узнаешь ты, под каким кустом лежит заяц?

Нестор покрутил усы, важно ответил:

— Слушай: есть ваш русский заяц и есть наш заяц—кавказский. Наш кавказский заяц ночь туды-сюды ходит, потом идет спать и делает в кусте норку. Если есть в кусте одна норка — лежит один заяц, если две норки — два зайца. Кавказский охотник берет ружье, а другой пугает зайца. Так можно убить много зайцев...

Я сообразил не сразу: так был прост охотничий секрет Нестора. Потом мне все стало понятно. Кусты на Кавказе очень частые и густые, в них всегда растет густая жесткая трава. Ложась на дневку, заяц, как крот, точится в сухую траву, а за ним остается заметный охотнику лаз. Если внимательно осматривать каждый куст, можно найти заячьи ходы и по расположению примятых травинок наверное знать, под которым кустом лежит заяц.

А все же и самому опытному охотнику не так просто находить в кустах заячьи ходы. Нужно примечать зорко, уметь хорошо читать живую и сложную книгу природы. Нестор делал это отлично.

Мы сидели у него долго. Со свойственным кавказцам гостеприимством он угощал нас, чем мог, и с гордостью показывал все свое семейное богатство. Потом он провожал нас до города. Я еще несколько раз виделся с ним и ходил на охоту, а в конце месяца мы расстались большими друзьями.

Николай ГРИБАЧЕВ

Рисунки А. Кокорина

ШЛИ ДОРОГОЮ ТРОЕ

От Мамайи в Синое
шли дорогою трое
у посадки-подлеска,
огибая лиман,—
Ионеску,
Попеску
да Василий Куркан.

На осенних курганах
крик пролетных казарок,
дробный стук барабана
в новодарских казармах,
скрип каруцы [1] ленивый,
мык воловий степенный,
на просторе залива —
вал, играющий пеной.

Дальний путь — не тревога,
только б курево было,
только б жинка в дорогу
мамалыги сварила!
К шагу шаг, к слову слово,
табачок из кисета,
про хозяйство да снова
о хозяйстве беседа,
да о ценах базара,
да о том, может статься,
что жена наказала
тех бодег [2] опасаться.

Степи сплавились в блеске,
обогнули лиман,
Ионеску,
Попеску
да Василий Куркан,
покурив, помолчали
аж до Корбы самой,
поп прошел — покачали
как одной головой,

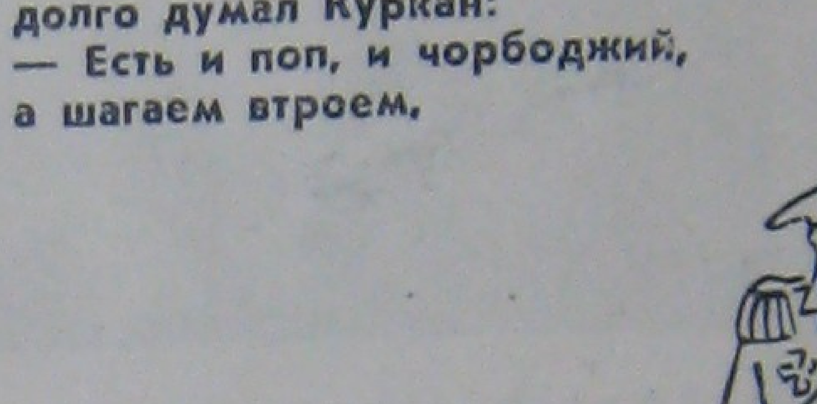
и как будто не к месту,
но при случае том
вдруг сказал Ионеску:
— Вот бы мне быть попом!
Там крестины, там треба,
душу винами тешь,
мамалыги да хлеба
сколько съешь — столько ешь,
а что жинка не будет
ночью торкать в плечо,
знают добрые люди,—
то и лучше еще:
ни приказа, ни спора,
дом — не ярмарка, дом,
экономка ж покорна...
Вот бы мне быть попом!

В Нижней Корбе, в бодеге,
скрипка плачет в тени:
если водятся деньги—
заверни, загляни,
начинай хоть с графина,
пей, толкуй и кури,
кончишь — там будет видно:
два подать или три...

Ветер вздул занавеску,
кто-то выкрикнул:— Пить!
Усмехнулся Попеску:
— Мне б чорбоджией [3] быть!
Пот ресницы не выест,
зной рубах не пожжет,
жарко — к озеру вынес
свой жирок, свой живот,
покатался на лодке;
дома — тишь и жена,
сколько хочешь похлебки,
сколько хочешь вина!

Стонут на поле гуси,
росчерк моря далек,
заяц в старый капустник
проюлил и залег,
перекресток завязан
на бугре.
Двое разом:
— Ну, Попеску, читай!..
Белой стрелкой показан
путь на Витязь Михай,
он поля золотые
захлестнул, как аркан.
Сдвинув брови седые,
долго думал Куркан:
— Есть и поп, и чорбоджий,
а шагаем втроем,

для порядка я должен
стать у вас королем!
Поп мне будет поклоны
бить, вставая чуть свет,
ты, корчмарь, под иконой
мой повесишь портрет,
я ж, и пьяный и сытый,
загуляю со свитой;
у меня честь по чести
постарались отцы!
всех доходней поместья,
всех роскошней дворцы,
я казны не считаю,
я в казну не плачу,
что желаю, хватаю,
что хочу, ворочу!..

Прах взбивая дорожный,
в чоботах-постолах
«поп»,
«король»
и «чорбоджий»
дальше меряют шлях,
кошели за спиною,
на штанах будяки...
И под вечер в Синое
прибрели мужики.

Видят, что за веселье,
что за гомон и гром,
пыль столбом-каруселью,
флаг над каждым двором,
хлещет музыка в уши,
будит в жилах огонь —
скрипка,
дудка пастушья,
барабан
и гармонь!

— Что за шум, человече!
— Да не слышали, что ль!
От престола навечно
наш отрекся король,
а синойский чорбоджий,
слух проведавши тот,
слег
и, кажется, тоже
до утра отойдет,
а священник вот только
объявил для села:
что с молитвы, мол, толку,
как сметаны с козла;
я не стар — что ж харчиться
за народной спиной!
дескать, тронусь учиться
в институт нефтяной!..

— Н-да! — сказал Ионеску.
— Так! — добавил Попеску.
И, от радости пьян,
трубку выбивши с треском,
засмеялся Куркан:
— Судьбы выбравши эти,
мы сглупили, как дети:
ведь прочней трудовой,
как ни кинь, а на свете
нет судьбы ни одной!..

Шли дорогою трое
от Мамайи в Синое!..

Румыния.
Январь 1948 года.

[1] Румынская телега.
[2] Трактир, корчма.
[3] Хозяин трактира.

На лекции
Фотоэтюд А. Узляна

2

Зимний вечер

Фотоочерк Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Зимний трудовой день в Кольцовском ордена Ленина колхозе имени И. В. Сталина (Чувашская АССР) закончен...

Стемнело. Колхозная электростанция включила свет — и сотни лампочек засверкали в окнах домов. Зажглись фонари на улицах деревни.

Славно поработали колхозники в минувшем сельскохозяйственном году. Хороший урожай собрали они с полей. Амбары колхозников полны хлеба; в среднем на каждый двор получено по трудодням 205 пудов зерна. И зимой не прекращается в колхозе большая работа. Записали колхозники в своем пятилетнем плане: перестроить свою Кольцовку. Решили соорудить Дворец культуры, новые дома, и сейчас все работают по заготовке леса, на строительстве.

В колхозе имени Сталина умеют не только хорошо работать, но и хорошо отдыхать. Вот что происходило в колхозе в этот зимний вечер.

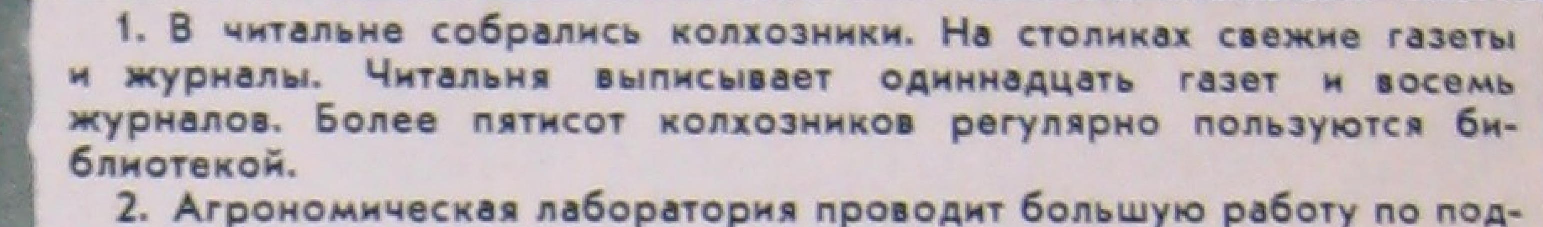
6

5

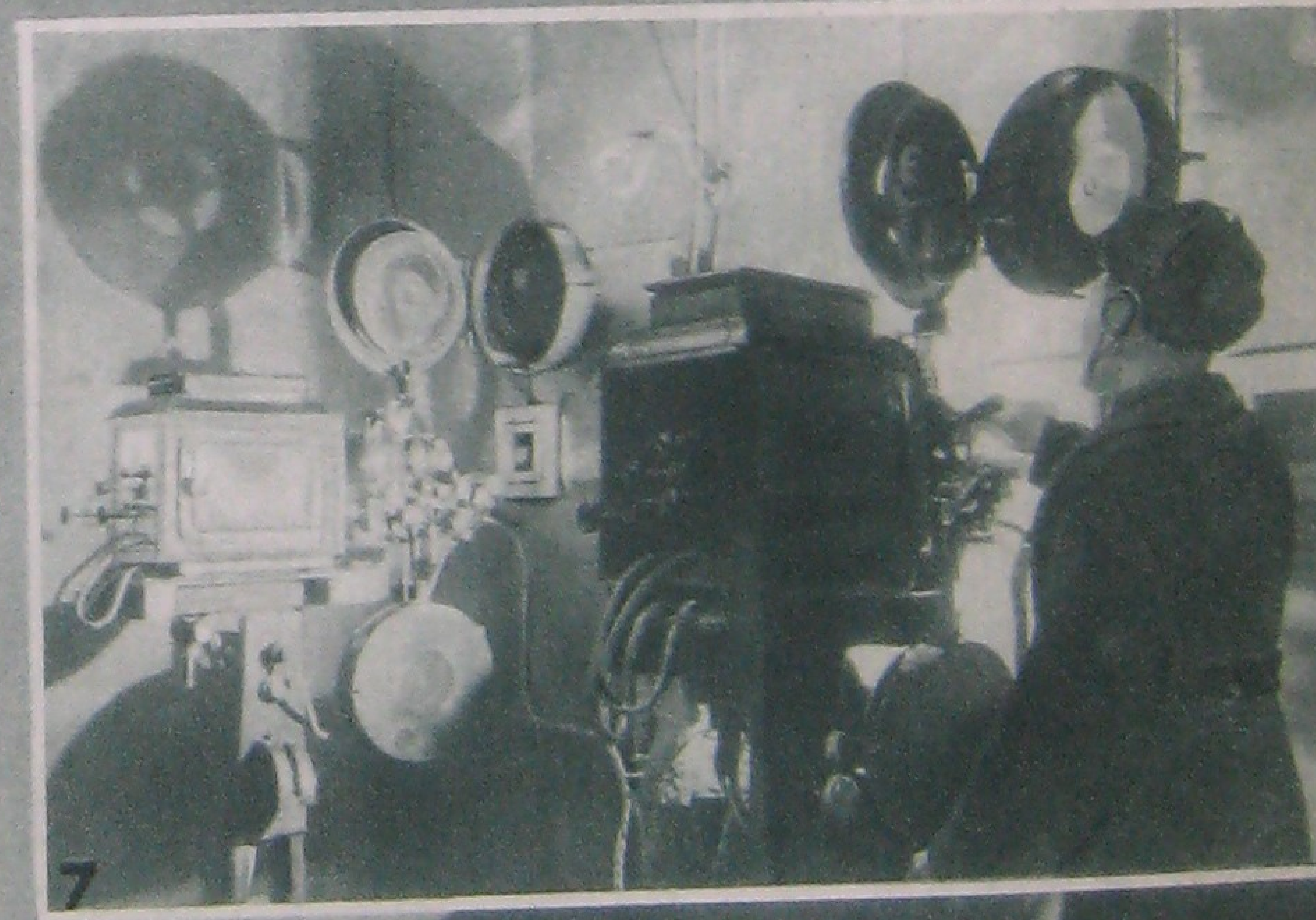

в Кольцовке

1. В читальне собрались колхозники. На столиках свежие газеты и журналы. Читальня выписывает одиннадцать газет и восемь журналов. Более пятисот колхозников регулярно пользуются библиотекой.
2. Агрономическая лаборатория проводит большую работу по подготовке к весеннему севу. Сегодня вечером здесь собрались звеньевые.
3. Колхозный радиоузел, кроме передачи московских станций, транслирует выступления руководителей колхоза, передовых людей, лекторов, проводит радиомитинги. В этот вечер в студии колхозного радиоузла выступал школьный хоровой кружок.
4. Два раза в неделю в колхозном клубе демонстрируются новые фильмы. Сегодня клуб с трудом вместил всех желающих: из Москвы привезли новый фильм — «Мастера высоких урожаев». В этой картине показаны и колхозники Кольцовки.
5. Поздно вечером в типографии колхоза начали печатать очередной номер газеты «Сталинец». Десятый год издается в колхозе эта многотиражка. Очередной номер посвящен теме «Как мы распределили урожай».
6. На очередном занятии в партийной школе колхозники изучают «Краткий курс истории ВКП(б)». Занятиями руководит Н. Радьковский.
7. В будке киномеханика.

Лыжники в горах Сванетии (Кавказ).

Фото А. Сидоренко.

ВЕЧЕРОМ

Рассказ

Татьяна ТЭСС

Рисунки А. Лурье

Поздний вечер. В комендатуре больницы сидит сторож Ефим Куприяныч и дежурная. На голове у дежурной белая косынка, волосы аккуратно убраны, вся ее маленькая опрятная фигура дышит домовитостью. Горит настольная лампа. Дежурная задумчиво, не мигая, смотрит на свет и вздрагивает, когда к ней обращаются. Время позднее, заявок на пропуска больше нет, телефон молчит. В проходной тепло и очень тихо.

Вместе с дежурной в комендатуре осталась и ее дочь Надя, девочка лет пяти. Девочку сегодня не с кем оставить дома, и мать взяла ее на дежурство с собой. Надя шуршит в углу, как мышь, перекладывая и расставляя пустые папиросные коробки. Глаза у нее шустрые, умные, она ко всему приглядывается.

Сторож Ефим Куприяныч сидит на табурете у двери: ему положено проверять пропуска. Но в такую пору мало кто приходит в больницу. Только что промчалась, как вихрь, молоденькая санитарка. Она с такой силой хлопнула дверью, что мигнул свет и надины коробки рассыпались по полу. Сторож неодобрительно посмотрел ей вслед.

От ворот к зданию больницы ведет широкая сосновая аллея. Белеет снег, чистый и высокий, как в деревне. Здание — новое, со стройными, гордыми колоннами. Во всех окнах горит свет, и от этого кажется, что в доме праздник.

— Гляди, какой снег выпал! — говорит сторож.— В такую погоду охотиться хорошо.

Дежурная молчит.

— На тетерева хорошо ходить...— говорит сторож мечтательно.— Дерутся они до того жестоко, ну, веришь, прямо истаскаются, жалко смотреть! И тут ты в них и стреляешь, тут и бьешь... Я, душа моя Маруся, очень хорошо природу понимаю! Любой разговор ее мне понятен, если хочешь знать...— сторож поворачивается всем корпусом к дежурной и смотрит на нее сквозь очки.— Дома у меня на стене различные картины из жизни природы висят,— говорит он с гордостью.— Весна в лесу или волк в раме из золотого багета... Оленьи рога, можешь себе представить, на стену повесил. Здоровые такие рога, закрученные, как штопор...— Он вздыхает.— Дети подросли и вдруг приходят вроде как с замечанием. «Что это, папаша,— говорят,— у нас на стене висят рога? Нехорошо. Люди в гости заходят, а у нас рога. Будто в зоопарке». Ну, пришлось рога ликвидировать...

— А почему вы, Ефим Куприяныч, работу не бросаете? — вдруг говорит Маруся.— Дети у вас взрослые, вы бы и на покой могли пойти. А то через весь город на трамвае каждый день сюда тянетесь, да еще дежурства ночные... Зачем вам это?

Сторож молча смотрит на нее.

— Странный ты все-таки человек, Маруся! — говорит он после паузы; в голосе его звучит досада.— Странный, непонятный человек! Ну к чему мне покой, скажи на милость? Отдохну, как помру. Вот лягу, косточки расправлю и буду отдыхать. А сейчас мне отдыхать никакой возможности нету. Я все при деле, все нужен! Главный врач спросит: «Кто дежурит?» «Ефим Куприяныч дежурит». «Здравствуйте,— говорит,— Ефим Куприяныч, вы все на посту?..» «Доброго здоровьичка, Михаил Соломоныч,— говорю.— Куда ж я с поста? Я с поста никуда...»

Он сердито откашливается.

— Дети у меня, конечно, хорошие, это верно,— бормочет он.— Старший сын, Павел,— уже инженер, второй сын Тимирязевскую академию кончает. Дочка Клавдюша в Плехановский институт поступила. Без всякого звука! — он с гордостью косится на дежурную и повторяет:— Без всякого звука! Дети хорошие, дай им бог. У меня самого, если хочешь знать, никакой младости не было. Какая это младость? Три класса кончил — вот тебе и вся академия художеств. Зато дети мои — соколы!..

— Да вы не обижайтесь, Ефим Куприяныч,— говорит смущенно Маруся.— Я ж ничего такого не сказала...

— Конечно, для заводской работы я уже человек устарелый,— говорит сторож, не слушая.— Спина у меня негнущая, в руке непреклонности нету. Но чтоб я работу совсем бросил...— сторож качает головой.

— Мы с директором завода в одном доме живем,— продолжает он и задумчиво чешет висок.— На третьем этаже наша квартира, а на втором этаже — его. Он на завод из беспризорных пришел, востренький такой был мальчишечка! Стал учиться в заводской школе. И такой, веришь, упрямой, такой настырной: если чего не понимает, бьется, бьется чуть не до слез, а не уйдет из цеха, пока разумом не постигнет. Потом на инженера кончил и опять на завод вернулся, потом, гляди, начальником цеха стал, потом до директора достиг... А сейчас заместителем министра его назначили. Видала? Встретились мы недавно на лестнице, он остановился со мною, поручкался. «Что ж ты,— говорит,— брат Станичев, с завода ушел?» «Для всякого цвета, Федор Петрович, своя пора,— говорю.— Вот и вы, к примеру, тоже с завода в министры ушли...»

Сторож вздыхает и смотрит в окно на снежную аллею, освещенную фонарями и морозным светом луны.

— Сегодня вечером у нас тихо...— нерешительно говорит дежурная.— Ни одна машина не подъехала. Тишина...

— Ну, здесь тихо не бывает,— откликается сторож, он медленно поворачивается на своем скрипящем табурете и глядит на пылающие огнями окна больницы.

— Недавно привезли одну девушку на «скорой помощи»,— говорит Маруся и вздрагивает, зябко поведя плечами.— Под машину попала, обе ноги ей повредило. Ольга Сергеевна ей операцию делала. Вышла, села в кабинете, вся бледная, губы сжала... «Не могу допустить,— говорит,— чтобы такая молодая — и без ног осталась. Все свои силы,— говорит,— отдам, на риск,— говорит,— пойду, а спасу ей ножки». Мне операционная сестра потом рассказывала. Четыре часа ту девушку на столе держали. Сейчас она поправляться начала. Ольга Сергеевна день и ночь к ней заходит, даже исхудала вся...

— Ты что ж, решила на операционную сестру учиться? — спрашивает сторож.

— Решила, Ефим Куприяныч...— Маруся застенчиво улыбается.— С первого числа на курсы иду.

— Ну, иди! — говорит сторож покровительственно.

Наступает короткое молчание. Где-то далеко свистит паровоз — и снова тишина.

— А где твой муж? — спрашивает сторож.

— Он на практику поехал,— говорит Маруся.— В Донбасс.

— В Донбасс? — удивляется сторож.— Чего это вдруг?

— У них практика в шахтах,— объясняет Маруся.— Их несколько человек поехало. Студентов.

— Не пойму я вашей жизни! — говорит сторож неодобрительно.— Он учиться ходит, ручки в брючки, он работу оставил, а ты крутишься, крутишься: и в больнице и дома надо постирать, поштопать, обед приготовить... Как это так?

— Что же здесь странного? — говорит Маруся запальчиво.— Он три года был на фронте, а я с Надей в деревне сидела. У него вся грудь прострелена; когда рубаху снимет, весь в рубцах, в шрамах, во вмятинах — смотреть страшно! Он свое ученье кровью заработал, если хотите знать! Я сама ему сказала: «Бросай работу!» — она с гордостью смотрит на сторожа.— Сама сказала: «Бросай! Проживем и так. У тебя стипендия — у меня зарплата, проживем, у нас вся жизнь впереди. Дает тебе государство возможность учиться — учись, а я тебе, Вася, помогать буду... Занимайся одной наукой, пусть у тебя ни о чем другом душа не болит». Так и сказала...

— Так и сказала? — переспрашивает сторож озадаченно.

— У нас вся жизнь впереди! — говорит Маруся, не слушая.— Конечно, я только семилетку кончила, не такая образованная, как он. Ну и что ж? Я сейчас на курсы пойду. Занятия по вечерам, недалеко от дома, вполне удобно.. Буду работать и учиться. Ну и что ж! — говорит она, блестя глазами и с вызовом смотря на сторожа.

— Чего ты кипятишься? — говорит сторож миролюбиво.— Вспыхнула вся, как солома...

Маруся умолкает и отворачивается от него.

— Надька! — спохватывается она.— Ты почему до сих пор не спишь? Марш спать, сейчас я тебе постелю...

Она принимается готовить девочке постель на клеенчатой кушетке, стоящей в углу. Руки ее быстро двигаются, она с сердцем взбивает подушку, рывком вытягивает одеяло: она сердится на сторожа, на человеческую ограниченность...

Но постепенно Маруся остывает. Она вспоминает, как старик рассказывал о своем детстве, и ей становится его жалко.

Пока мать стелит постель, Надя стоит в углу, прижимая к себе пустые коробки. Глаза у нее блестящие и черные, как смородина. Спать ей совершенно не хочется: вокруг столько новых, интересных вещей! Она косится на мать и соображает, что предпринять, чтобы та о ней забыла и не укладывала в постель. На лице у нее озабоченность.

В это время в проходную доносится шум приближающейся машины. Машина останавливается у ворот, слышен гудок, требовательный, резкий, тревожный... Сторож вскакивает и бежит открывать ворота. Сквозь распахнутую дверь видно, как длинная белая машина с красным крестом на ветровом стекле медленно въезжает в ворота и движется дальше, к главному зданию. В дверь комендатуры задувает холодный ветер, все бумажки на столе оживают, начинают шевелиться, шуршать, вздуваться. Маруся машинально придерживает их рукою; она вытягивает шею и прислушивается. Все существо ее сейчас там, возле машины.

Машина останавливается у подъезда. Два санитара в халатах, надетых поверх пальто, осторожно вытягивают из машины носилки. На носилках кто-то лежит. Слышен низкий, воющий звук — нето стон, нето плач. Носилки вносят в здание. И тотчас же видно, как в ярко освещенном окне вырастают и движутся тени. Опять доносится тот же низкий, плачущий звук. Или, может быть, это ветер? Надя, вытянув, как мать, шею, со страхом следит за перемещающимися в окне тенями; ее черные, смородиновые глаза становятся круглыми.

Входит сторож и захлопывает дверь. Он кряхтит с мороза и притоптывает, счищая с валенок снег. Но Надя уже не смотрит на него. Она чувствует что-то тревожное и недоброе в появлении этой белой машины, в мелькании теней, в странном, глухом стоне. Она таращит глаза и кривит рот, собираясь заплакать. Ей страшно.

— Мама! — говорит она шопотом.— Отведи меня домой! Отведи! Я никогда не буду больше утюг трогать...

— Какой утюг? — пугается мать.— Ложись, спи...

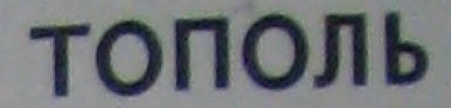
— Я горячий утюг со стола не буду трогать...— плачущим голосом перечисляет Надя все свои старые прегрешения.— Я на улицу без спроса не буду ходить. И воду без тебя пускать не буду. Отведи меня домой, крошечка моя ненаглядная!..

— Ложись спать, дурачок,— говорит мать.— Иди, я тебе платье расстегну.

Надя, пыхтя, подходит к матери. Она стоит неподвижно, пока мать расстегивает на ней платье и раздевает ее. Потом Надя лезет под одеяло. Но она не спит, глаза ее внимательно следят за всем, что делается в комнате.

Слышно, как у ворот снова останавливается машина. Сторож вскакивает и бежит к дверям. Маруся протирает окно и глядит на улицу. Темная машина, вся блистающая лаком и никелем, стоит у ворот. Сигнал у нее негромкий, но бархатистый, полный достоинства.

Дверца распахивается, в теплой полумгле кабины виден человек в меховой шапке. Он становится на подножку — и вся машина приседает

ТОПОЛЬ

Алио МАШАШВИЛИ

Приговорен к скале отвесной,
Я белым тополем стою,
Замешкавшемуся над бездной
Протягиваю ветвь свою.
Побеги тополей без платы
Храню от гибели всегда.
И, оперившись, соколята
Выпархивают из гнезда.
Я их от ветра охраняю,
Я не велю громам греметь,
Листву созревших слов роняю,—
Не ржавь осенняя, а медь.
Она летит, не увядая,
И возвращается, звеня.
Листва, из меди отлитая,
Колышется вокруг меня.
А по-над ней не тень густая,
Закрывшая свеченье дня,
А соколят спасенных стая —
Моя крылатая родня...
О Родина! Я часовой,
Не убаюканный веками.
Я врос корнями в остов твой,
В твой ветер вплился я руками.
Над кроной — над моей
главой,—
Над перебитыми суками,
Над каждой раной пулевой,
За дождевыми облаками
Колышется рассвет живой...
О Родина! В моей груди
Недаром зрел огонь, бушуя.
Сквозь дым сраженья впереди
Я различал зарю большую.
Я бушевал. И целый день
Мечта листвою шелестела,
Когда мою топтали тень,
Прокатывалась дрожь по телу.
Я отстоял тебя, земля!
Утихла боль. Закрылась рана.
И молодые тополя
Столпились возле ветерана.

Перевел с грузинского
А. МЕЖИРОВ

на один бок под тяжестью его большого, грузного тела. С подножки он вступает в снег — и машина снова выпрямляется.

Это профессор Боков, главный хирург больницы.

Хирург входит в проходную. Шуба его распахнута, на меховом воротнике лежат снежинки. У него умное крестьянское лицо, седая бородка; сквозь очки смотрят пытливые, «с прищуром» глаза. Он без перчаток; поражает необыкновенная, словно светящаяся белизна его рук. Роста он огромного, и, когда входит в проходную, кажется, что он заполняет ее до самого потолка.

При виде его сторож приосанивается и с достоинством кланяется хирургу. Тот приветливо и добродушно кивает в ответ. Окошечко, ведущее в комнату дежурной, открыто, и хирург замечает лежащую под одеялом Надю.

— Это что за человек? — удивляется он.

— Дочка,— виновато отвечает Маруся и краснеет.— Дома не с кем было ее оставить, Антон Петрович. Вот взяла с собой...

— Отличная девица! — говорит хирург и смотрит на Надю, подняв брови.— А как зовут?

— Надя,— поспешно говорит мать и встает.

— Ну, здравствуй, брат Надежда! — говорит хирург проходя.

— Здрасьте! — тонким голосом отвечает Надя.

Но хирург уже не слышит. Дверь за ним захлопывается.

— Мама, это кто? — спрашивает Надя испуганным шопотом.

— Профессор. Спи, пожалуйста.

— А что он сейчас будет делать?

— Что надо, то и будет делать. Ложись на бочок.

— Мама, он ноги будет резать? Да?

— Спи, спи! Завтра встанешь, я все тебе расскажу.

Надя умолкает. Некоторое время она лежит тихо, но глаза ее продолжают блестеть и бегать, и по лицу видно, что в мозгу ее идет усиленная работа. Издалека доносится свист паровоза.

— Мама, это паровоз? — шепчет Надя.

— Паровоз. Закрой глазки.

— А почему он свистит?

— Чтоб ему дорогу освободили. Повернись к стене.

— Мама, а на паровозе ночью страшно?

— Нестрашно ночью на паровозе. Спи, куколка. Повернись к стене, чтобы лампа тебе не мешала.

Надя ворочается под одеялом, вздыхает и наконец поворачивается лицом к стене.

— А когда профессор домой пойдет, ты меня разбуди,— говорит она уже сонным голосом.

Наступает молчание. Ефим Куприяныч читает в «Известиях» международный обзор, шуршит газетой и изредка крякает. Маруся, не мигая, смотрит на горящую лампу. Ей представляется операционная, человек, лежащий на столе, вокруг ассистенты, сестры в марлевых масках и профессор, громадный, торжественный, в длинном халате и белой шапочке, стоит, подняв руки в стерильных прозрачных перчатках. Он приближается к столу, ему подают скальпель, он делает первый разрез, быстрый, точный... Все это она видела однажды.

Маруся продолжает смотреть на лампу и щурится. Теперь она воображает самое себя уже в белом халате и марлевой маске — операционную сестру. Вот она стоит возле профессора во время операции. Бережно наклонившись, он разговаривает с больным.

— Тихонько будем лежать, голубчик...— говорит он больному, и в голосе его слышатся интонации, почти немыслимые по нежности для зычного мужского баса.— Тихонько будем лежать, тихонечко...

Потом он поворачивается к ассистентам:

— Скальпель. Кохер. Салфетку. Зеркало. Не то! — голос его отрывист и резок.— Пинцет. Не этот! Соображать надо. Маруся, подойдите! Вы одна догадываетесь, что мне надо. Пинцет. Спасибо, Маруся! Еще салфетку...

Представив все это, Маруся зажмуривается. Сердце ее бьется учащенно, щеки пылают. Она счастлива. Она представляет свою работу в операционной, новые интересы и знания, разговор с профессором, общение с удивительными, талантливыми людьми... Потом она начинает мечтать, как муж станет инженером — и тогда она пойдет учиться в институт. Они переедут в Донбасс или на Урал и будут работать там оба: он — инженером, она — врачом. Будущая жизнь, богатая содержанием, полная высокого и счастливого труда, раскрывается перед нею, и она вглядывается в эту жизнь, вглядывается жадно, увлеченно, забыв обо всем.

Хлопает дверь. Маруся вздрагивает. С улицы входит ординатор второго отделения, молодой врач, недавно окончивший институт. Расставив локти, проносится, как вихрь, та же молоденькая санитарка и через минуту возвращается обратно: верно, ее посылали за чем-нибудь к профессорской машине. Проходит, припадая на правую ногу, старшая сестра Любовь Степановна — высокая старуха с костистым мужским лицом. На ходу она кашляет баритоном. И снова никого нет. Надя спит и посапывает во сне.

Маруся поворачивает лицо к лампе и опять уходит в свои мысли. Конечно, работать и одновременно учиться на курсах сестер будет трудно. Заниматься придется по ночам, а вставать надо рано, чтобы не опоздать в больницу. А она любит поспать, ужасно любит! Спит она сладко, аппетитно, и долго не может выбраться из сна, и первые минуты ходит по комнате, спотыкаясь, не в силах разлепить веки...

Жизнь станет трудней, утомительней — она это знает. Глядя на лампу, она силится представить, от чего ей придется отказаться ради ученья. Ох, от многих вещей! Но своему решению она не изменит. Нет! Она ощущает в себе твердость, новое, еще не привычное ей самой упорство... С первого числа она пойдет на курсы — и начнутся другие дни, сложные, но притягательные, полные новых событий, освещенные новой целью...

Но вот хлопает дверь, и в проходной появляется профессор.

Он медленно идет, направляясь к машине. Шуба его распахнута, бобровая шапка сдвинулась, открыв высокий мясистый лоб. Лицо его утомлено. Он дышит глубоко и редко, ступает тяжело, на всю ногу. На лбу блестят росинки пота, веки опускаются, словно ему трудно держать глаза открытыми. И вместе с тем это утомленное, бледное, слегка набрякшее лицо полно сдерживаемого счастья, глубокого, разлившегося в каждой складочке покоя — того светлого, драгоценного чувства, по которому можно безошибочно узнать, что человек удачно завершил большой, прекрасный труд.

Грузно ступая, хирург идет через проходную. Взгляд его падает на спящую Надю.

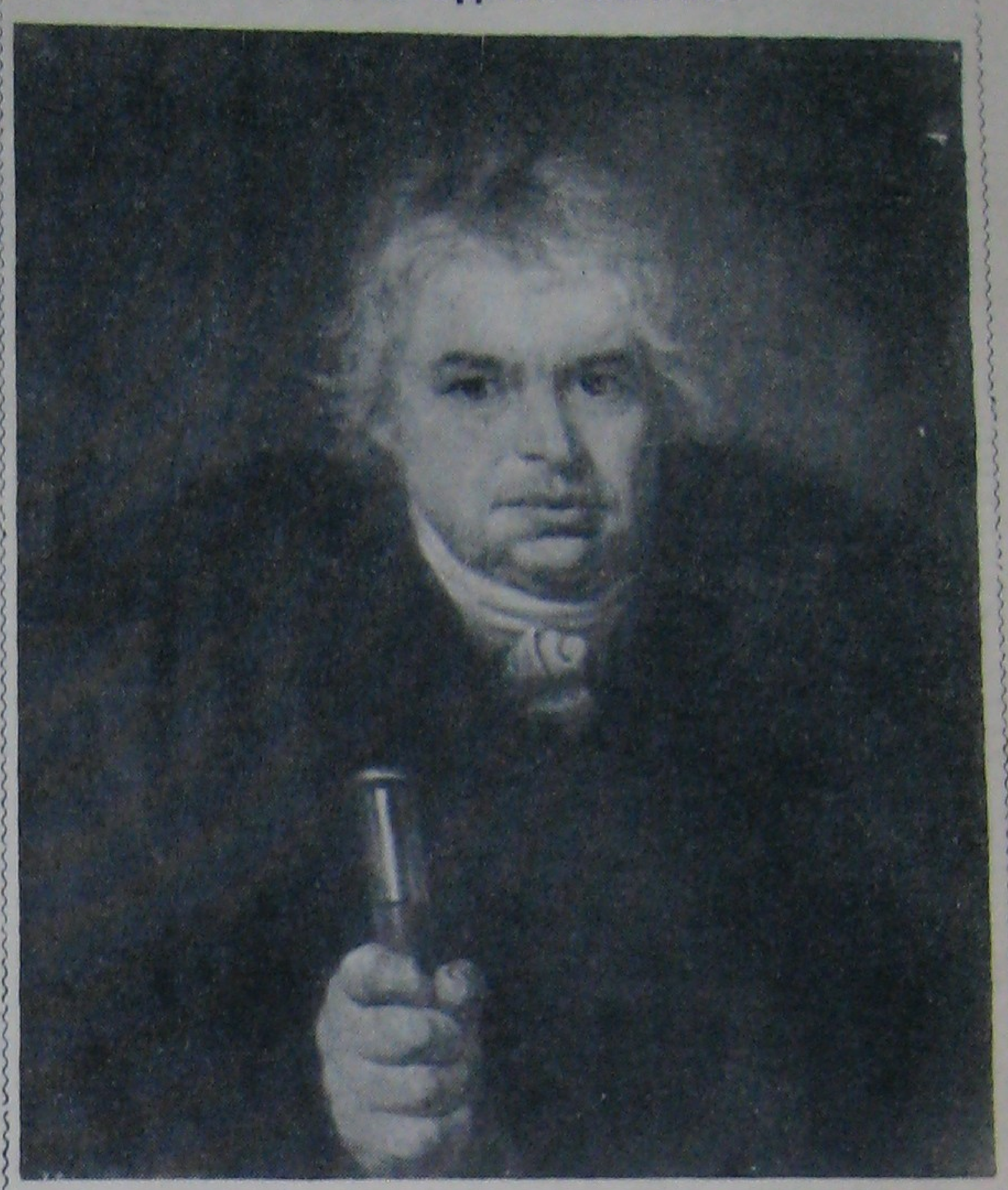
— Прощай, брат Надежда! — говорит профессор и серьезно глядит на девочку. — Спи!

Он останавливается на секунду, словно хочет что-то вспомнить, подымает брови, но, так и не вспомнив, снова шагает к выходу. В дверях он оборачивается и кивает Ефиму Куприянычу и Марусе.

Маруся смотрит на часы. Профессор пробыл в больнице долго: операция, видимо, была очень сложной. Неожиданно Маруся вспоминает, что профессор уже приезжал в больницу утром, оперировал трех больных, и все операции тоже были трудными: к нему попадают обычно самые тяжелые больные. А ведь он человек пожилой, нездоровый, недавно у него был после операции сердечный припадок. Маруся силится представить меру ответственности, которую берет на себя хирург, оперирующий тяжелого больного, и по спине ее пробегает холодок. Каким душевным бесстрашием надо обладать, какой решимостью, какими знаниями!

Потом перед ее глазами опять встает лицо Антона Петровича. Забыть его невозможно. Сила любви к человеку, любви к своему труду, глубокое душевное удовлетворение—все отразилось на его усталом лице. Неужели это счастье, трудное и благородное, испытает когда-нибудь и она!

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КАРТИНЫ

О. А. Кипренский в 1804 году написал портрет своего приемного отца А. К. Швальбе. Это одна из лучших работ художника, которую он сам ставил высоко. Кипренский написал портрет в темной гамме: из полумрака выступает суровое лицо старика. Это подчеркнуто крепко сжатым в руке посохом.

Много лет спустя, находясь в Италии, Кипренский представил портрет вместе с другой работой на открывавшуюся в Неаполе выставку.

Рассматривавшие представленные картины итальянские академики и профессора нашли, что портрет Швальбе писан не Кипренским, а... Рубенсом, и обвинили художника в том, что он их нагло обманывает, выдавая работу одного из величайших живописцев за свою.

Неаполитанские ученые мужи даже поспорили между собой. «Отца портрет одни почли шедевром Рубенса, иные думали Вандика, а некто Альбертини в Рембрандты пожаловал», — писал Кипренский из Италии. Кипренскому пришлось представить свои писанные в Италии картины, чтобы доказать сконфуженным «знатокам» их ошибку.

Маруся бежит к окну и смотрит на улицу. Она видит, как профессор стоит на снегу и, сняв шапку, дышит морозным воздухом. Потом он ступает на подножку — и машина оседает на правый бок. Профессор, пригнувшись, входит, удобно садится, облокотившись на спинку, и машина слегка оседает налево. Раздается короткий, тупой стук: захлопнулась дверца. Мягко и вкрадчиво зарокотал мотор. Слышится хруст шин по твердому снегу, машина трогается с места и исчезает в темноте.

Пятая рота...

Павел ТРОЯНОВСКИЙ

Рисунок Е. Ведерникова

Летом 1944 года по дороге в Брест попросился ко мне в машину старшина с выцветшей пилоткой на забинтованной голове. Он предъявил справку из госпиталя, показал для большей убедительности удостоверения на пять правительственных наград, а на вопрос, куда он едет, серьезно ответил:

— Догоняю пятую роту, товарищ майор... Под Минском немного ударило, отстал... Теперь она, наверно, под самой Варшавой.

Старшина сказал все это таким тоном, будто пятая рота была единственной на всем фронте или пользовалась такой же известностью, как пехота Чуйкова или танкисты Богданова. О них могли дать справку в любом штабе. Но «пятые роты» были буквально в каждом стрелковом полку!

Я промолчал, а старшина, уверенный, что мне его рота известна, не счел нужным говорить о своем полке, ни о дивизии.

Потом старшина спросил:

— Вам, товарищ майор, не приходилось встречать старшего лейтенанта Сгибнева?

Я поинтересовался, кто он, этот старший лейтенант.

Старшина поднял на меня большие, полные укора глаза:

— Вы его не знаете? Так ведь это и есть командир нашей пятой роты... Герой Советского Союза... Депутат Верховного Совета Белоруссии.

Пришлось сознаться, что старшего лейтенанта Сгибнева я не встречал.

— Нашего командира знает вся армия, — ответил на это старшина. — Сам генерал Батов с Военным Советом приезжал к нам три или четыре раза... Про командующего-то, про Батова, слышали?

Хотя наивность старшины и показалась мне удивительной, но его патриотизм, его огромная любовь к роте и своему командиру не могли не вызвать теплого чувства. Было ясно: он соскучился по своей роте так, как скучают люди по родному дому, и в данную минуту ему больше всего хотелось завести разговор именно о ней, о родной и любимой роте.

Машина въехала на улицы Бреста. Я пригласил старшину Иволгина посмотреть крепость. Он охотно согласился.

— Мы здесь начинали войну, товарищ майор,— как бы вскользь заметил Иволгин. — Отсюда началась боевая слава пятой роты... Двадцать четыре дня дрались в окружении. Потом пробились к своим. Из всего полка только одна наша рота и уцелела, но мы сохранили знамя полка... Из нашей роты под Можайском опять полк вырос, и опять воюем... А здесь я каждый камешек знаю, вроде как в родном доме.

«Вот она какая, пятая рота! — подумал я. — Такой ротой действительно можно гордиться».

Иволгин с увлечением рассказывал о горячих днях 1941 года, о боях под Москвой, о речи великого Сталина на знаменитом ноябрьском параде в Москве, о московском наступлении, о пути через Десну, Днепр, Березину...

Мы расстались друзьями и уговорились со старшиной о скорой встрече.

Когда в штабе армии я спросил о пятой роте, оказалось, что все самые высокие начальники знают эту гвардейскую роту и ее командира гвардии старшего лейтенанта Федора Владимировича Сгибнева.

— Очень хороша вся дивизия,— сказал мне начальник штаба армии, — отличный полк, ну, а пятая рота просто замечательная!

— В нашей армии, — продолжал начштаба, — пятая рота всегда была в первом эшелоне при форсировании водных преград... Первой она форсировала Десну, первой отвоевала плацдарм за Днепром, первой форсировала Буг...

Однако попасть в те дни в пятую роту оказалось невозможным: в составе своей дивизии она ушла в глубокий тыл на отдых и пополнение.

После отдыха рота старшего лейтенанта Сгибнева была переброшена на другой участок фронта, и побывать в ней мне так и не пришлось.

...В декабре 1947 года я приехал в энский гвардейский полк, расквартированный в Германии.

В полку только что окончилась проверка боевой подготовки рот. Командир, пожилой полковник, сказал мне:

— Рекомендую вам побывать в пятой роте... Интересное подразделение, а главное, замечательные люди. Второй год занимают в боевой учебе первое место в полку...

«Неужели та самая пятая рота?» — невольно подумал я, тотчас вспомнив встречу со старшиной Иволгиным, но от вопросов полковнику воздержался.

Рота была размещена на втором этаже каменного дома. Со штабным офицером мы оказались в длинном, узком коридоре, и дневальный вызвал дежурного по роте, чтобы проводить нас к командиру.

Стройный молодой офицер с золотой звездочкой на кителе поднялся нам навстречу.

«Сгибнев!» — пронеслось в голове.

— Командир пятой роты гвардии старший лейтенант Фомин, — отрекомендовался офицер.

Я подавил вздох разочарования.

Завязался разговор. Старший лейтенант Фомин рассказал нам, что на проверке рота стреляла отлично, что тактическая подготовка ее признана также отличной, что командующий армией объявил всему личному составу благодарность, а некоторых офицеров, сержантов и солдат за успехи в учебе наградил ценными подарками.

В комнату вошел боец.

— Гвардии рядовой Самохвалов! — четко выпалил он.

Военный костюм сидел на Самохвалове безукоризненно, и весь он блестел особенным блеском.

— Как учитесь, как живете? — спросили мы, пригласив Самохвалова сесть.

Вопрос, видно, смутил солдата, и он долго молчал и все смотрел на командира роты.

— Он учится только отлично,— ответил за него Фомин. Недавно избран в комсомольское бюро... Заядлый футболист...

— От Иволгина давно писем не получали? — обратился к Самохвалову штабной офицер.

Я еле удержался на месте. «Пятая рота, Иволгин!» — опять пронеслось в голове.

— Последнее письмо получил в воскресенье, — ответил Самохвалов. — Долго не писал, занят был, урожай собирали...

И солдат протянул нам листок, исписанный мелким почерком.

«Дорогой товарищ Самохвалов, — прочитали мы. — Я должен вам сказать большевистское спасибо за успехи в боевой учебе. Я, конечно, никогда не думал, что наша пятая рота может отстать, может стать рядовым подразделением. Но сомнение иногда забиралось в душу. Кто на наше место придет, думалось в иные минуты, может, они не поймут нашего боевого прошлого, может, отнесутся по-казенному к нашим традициям, завоеванным кровью многих замечательных товарищей. Пуще этого смущала меня возможность, что оружие, которым добивались победы, попадет каким-нибудь, извините за выражение, юнцам... И будут они посылать из него пули за кашей или щами... А ведь стреляли из него воины, которые прошли войну от Бреста до Москвы, обратно от Москвы до Бреста и дальше, до Берлина... Но ваши письма обрадовали меня. Новое пополнение оказалось достойным нашей пятой роты. А особенно меня порадовали ваши личные успехи. Я писал в своем первом письме, как берег свой автомат, как за ним ухаживал и как он выручал меня в бою... Сейчас войны нет, но стране очень нужны меткие стрелки. Бог его знает, что еще может случиться! Так ведь? И вам всегда надо быть в состоянии боевой готовности номер первый... Еще раз благодарю вас от всего советского сердца за успехи и желаю новых и еще лучших успехов... О себе не знаю, что и говорить... Кончили год. С государством расплатились до срока да сверх плана сдали 100 тонн первоклассного зерна. Выдали оплату за трудодень. Тяжел он у нас в этом году. Даем по 6 килограммов зерна, по 10 килограммов картофеля, по 8 рублей деньгами... Думаем о новом урожае... Вот так и живем. Вы там учитесь спокойно. Что хлебом, что углем, что сталью — всем необходимым снабдим мы свою армию... Прошу передать искренний привет всей нашей роте, а также и моему автомату за № 489964. Крепко обнимаю вас. Бывший старшина роты, а ныне председатель колхоза «Луч коммунизма» Иван Иволгин.

Да, это была прославленная пятая рота, а председатель колхоза «Луч коммунизма» Иван Иволгин был старшина Иволгин, мой случайный попутчик, так прочно застрявший в памяти.

Командир прервал мои размышления. Он предложил пройти в соседнюю комнату, на двери которой мы прочитали: «Комната истории нашего подразделения».

Стены этой просторной и светлой комнаты были увешаны плакатами, схемами, картами, портретами и групповыми фотографиями, вырезками из газет, письмами, вставленными в застекленные рамки.

Часть фотографий была обвита траурными лентами. Это были портреты воинов, которые за славу пятой роты и независимость нашей Родины отдали в боях свою жизнь.

«Василий Петров — ефрейтор. Погиб в Бресте 22 июня 1941 года. Под бомбежкой вражеской авиации спас 10 ящиков с боеприпасами. Умер от тяжелого ранения в голову».

«Степан Солнцев — рядовой. Погиб под Москвой 2 октября 1941 года. Бросился под вражеский танк с гранатами в руках».

«Федор Касильников — лейтенант. Отрезал со своим взводом шесть контратак немцев за Днепром. Убит выстрелом в упор из немецкого танка».

Много замечательных людей потеряла пятая рота за годы войны. Они умирали за то, чтобы хорошо и свободно жили их братья и сестры, сыновья и дочери, их друзья-товарищи.

Над другой группой портретов была надпись «Воспитанники нашей роты».

«Иван Васильевич Сурков — полковник, первый командир пятой роты. Командовал ротой до 1938 года. В 1941 году окончил

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

«БЫЛОЕ И ДУМЫ»

Новое однотомное издание «Былого и дум» — большая радость для советского читателя. Это классическое произведение — один из самых ярких памятников русской культуры. Судьбы русского человека, России, человечества встают перед нами в воспоминаниях Герцена, в живых образах замечательных исторических деятелей, в зарисовках быта и жизни России и ряда западных стран, в философских раздумьях и публицистических отступлениях, в рассказе о идейных исканиях, ошибках и победах автора. А сквозь все эти картины и мысли просвечивает, если использовать выражение Чернышевского, «заря грядущего дня».

Слова Герцена о том, что, решая вопросы «жизненные, художественные, нравственные», нельзя не отразить в них «следов колыбельных песен, родных полей и гор, обычаев и всего окружавшего строя», полностью должны быть отнесены к «Былому и думам». Глубокое и верное ощущение «склада русского ума», силы, самостоятельности и неутомимости русской революционно-демократической и социалистической мысли, даровитости русского человека, «демократической глубины» русского языка, «сокровенных сил и возможностей русской натуры», обаяния родной природы отражено и воплощено в «Былом и думах».

Сам Герцен и любовно им обрисованный Белинский выступают перед нами здесь во всеоружии высших достижений мировой культуры, но нигде они не походят на безличных космополитов. Они творили новые духовные ценности, выражавшие потребности и стремления родного народа, всего человечества. Поэтому так резко и иронически характеризует Герцен в «Былом и думах» «идолопоклонство» перед «западными авторитетами», свойственное тогда некоторым кругам дворянской интеллигенции. Указывая на русских передовых людей 40-х годов, Герцен говорит: «Где, в каком углу современного Запада найдете вы такие группы отшельников мысли, схимников науки, фанатиков убеждения, у которых седеют волосы, а стремления вечно юны?».

Побороть самодержавие и крепостничество и найти для своего народа и всего человечества путь к свободному обществу — этим стремлением проникнуты «Былое и думы».

Герцен имел все основания сказать, что «...при ненависти к деспотизму сквозь каждую строку «Былого и дум» видна любовь к народу...».

Презрением и гневом проникнуты в «Былом и думах» и характеристики и зарисовки западноевропейского буржуазного порядка. Ведь еще раньше Герцен назвал буржуазную эксплоатацию «видоизменением людоедства».

«Былое и думы» занимают исключительное место как в русской, так и в мировой литературе. Нет другого художественного произведения, в котором столь выпукло и поэтически была бы обрисована идейная жизнь России в 30—60-х годах, а также идейная жизнь Западной Европы эпохи революции 1848 года.

Я. ЭЛЬСБЕРГ

А. И. Герцен «Былое и думы». Гослитиздат. Редакция И. С. Невича и С. Я. Штрайха. Стр. 828. Ц. 24 руб. Тираж 115 000 экз.

«Избранное» А. Архангельского

В это посмертное издание избранных пародий, эпиграмм и стихотворных фельетонов Александра Архангельского вошли лучшие произведения талантливого поэта, оставившего заметный след в нашей литературной сатире.

В своих пародиях и фельетонах А. Архангельский подвергал беспощадной критике произведения отдельных писателей, в которых неправильно изображалась советская действительность, неустанно боролся со всяческими проявлениями формализма и эпигонства, приспособленчества, пошлости и халтуры.

А. Архангельский по праву считается лучшим советским пародистом. Он был мастером этого жанра и в совершенстве владел искусством «перевоплощения». Многие его пародии часто были более действенными, чем критические статьи, написанные на те же темы. И это вполне естественно. С пародией, если она действительно талантлива и в ней, как в своеобразном зеркале, отражается лицо данного писателя, не соглашаться и спорить трудно. Пародист как бы становится самим автором критикуемых произведений. Он воспроизводит их содержание, ход мыслей автора, его художественную манеру — вплоть до отдельных характерных оборотов речи. И при помощи основного приема пародии — преувеличения, рассчитанного на комический эффект, — пародист дает нам почувствовать порочность литературных позиций пародируемого писателя.

Именно такими качествами отличаются пародии А. Архангельского.

Будучи подлинным другом наших писателей, болея за судьбу каждого из них, А. Архангельский «сигнализировал» им о промахах и срывах, встречающихся в их творчестве. Причем делал это весьма тактично, не смешивая своих с чужими и правильно распределяя сатирические удары.

Его пародии, эпиграммы и фельетоны не были придатком, «иллюстрацией» к статьям и рецензиям. Он работал совершенно самостоятельно, руководствуясь своим политическим чутьем и отличным художественным вкусом.

Из всех изданий пародий А. Архангельского настоящее издание является наиболее полным и дает исчерпывающее представление о его работе в области литературной сатиры. Превосходные рисунки Кукрыниксы не только блестяще дополняют и обогащают текст, но имеют также самостоятельное значение, как острые сатирические портреты. В некоторых случаях они соперничают с пародиями А. Архангельского, а иногда даже превосходят их.

К сборнику нужно было дать небольшое предисловие. Многие пародии, помещенные в нем, имеют двадцатилетнюю давность. В. Катаев, И. Эренбург, Л. Леонов, П. Антокольский, В. Инбер и целый ряд других прозаиков, поэтов и критиков нынче совсем уже не те, какими они были пятнадцать-двадцать лет тому назад, и современному читателю, особенно молодому, пародии на них могут быть непонятны.

Сергей ШВЕЦОВ

Александр Архангельский. Избранное. Гослитиздат. Рисунки Кукрыниксы. Стр. 220. Ц. 17 руб.

«Сестра Керри»

В издательстве «Художественная литература» вышла новым изданием «Сестра Керри» Теодора Драйзера. Это уже четвертое русское издание романа (первое появилось в 1927 году), и советскому читателю хорошо знакома с такой силой рассказанная Драйзером история девушки из народа, заблудившейся в джунглях американского капиталистического города.

Прошло пятьдесят лет с того времени, как Драйзер написал эту книгу. История ее выхода в свет принадлежит к позорным страницам американской культуры. Молодой журналист создал книгу, порывающую с традицией приукрашивания американской жизни: люди в романе работали до изнеможения и голодали, женщины продавали себя богачам, полиция избивала стачечников, безработные и бродяги скитались по нарядным улицам и скверам Нью-Йорка.

Драйзер предложил роман «почтенному» издательству Гарперс и получил категорический отказ. Тогда он отнес рукопись в новую издательскую фирму Доблдей (и Гарперс и Доблдей здравствуют поныне). Случилось так, что глава фирмы путешествовал в это время по Европе, и служивший рецензентом издательства писатель Френк Норрис, один из пионеров американского социального реализма, убедил младших компаньонов фирмы заключить с Драйзером контракт. Как только Доблдей вернулся и прочитал гранки, он заявил, что книга «непристойна» и не должна выйти в свет. Если автор будет настаивать на печатании книги, он, Доблдей, примет меры, чтобы книга не попала в продажу. Драйзер отказался слушать увещания и угрозы. Он потребовал выполнения контракта.

В ноябре 1900 года «Сестра Керри» вышла. Доблдей осуществил свою угрозу. Книга вышла минимальным тиражом, в «слепой» обложке. Издательство не потратило ни цента на рекламу. В американских условиях это значило умертвить книгу. Она осталась лежать в подвалах Доблдея. Пытаясь спасти положение, Норрис разослал «Сестру Керри» в редакции журналов и газет. Однако и этот ход был предусмотрен. Капиталистическая пресса была за Доблдея, а не за Драйзера, и она была единодушна в своей оценке книги.

«Роман оставляет самое неприятное впечатление», «Вам даже в голову не придет рекомендовать кому-нибудь эту книгу», — застрочили наемные перья во всех концах страны. — «Мистер Драйзер — хроникер материального в его самом низменном проявлении», «Духовная пища, которая не возвышает душу», «Имя божие упоминается в романе только всуе», «Вы не встретите в книге ни единого джентльмена или леди».

Драйзеру был нанесен страшный удар. Его перестали принимать в издательствах, куда он являлся с заявкой на новую книгу. Перед ним закрылись также двери журнальных редакций, где он до сих пор зарабатывал на жизнь. В одном журнале ему сообщили, что не нуждаются в его услугах, так как считают его «моральным банкротом». В другом сказали напрямик, что своей книгой он «опозорил Америку». Это был настоящий заговор с целью вышвырнуть смельчака из литературы.

Прошло долгих десять лет, прежде чем Драйзеру удалось пробиться к читателю. Только в 1912 году, уже будучи автором «Дженни Герхардт» и «Финансиста», он сумел переиздать «Сестру Керри», фактически издать ее впервые. Он получил свой первый опыт борьбы с буржуазным обществом. Он не просил пощады, не повернул назад и продолжал упорно идти своим путем художника-реалиста и критика капиталистической Америки, который привел его уже в наши дни к коммунизму.

А. СТАРЦЕВ

Т. Драйзер «Сестра Керри». Роман. Перевод с английского. М. Волосова. Стр. 504. Ц. 9 руб.

академию имени Фрунзе и на фронте занимал должности от командира стрелкового полка до начальника оперативного отдела штаба армии. Награжден правительством девятью наградами».

«Федор Владимирович Сгибнев — майор. Командовал ротой в 1942—1944 годах. Под его командованием рота вела наступление от Москвы, форсировала Десну, Днепр, Буг. Правительство присвоило тов. Сгибневу звание Героя Советского Союза. За время войны четыре раза ранен, четыре раза лежал в госпитале, но всегда возвращался в свою пятую роту. В 1944 году капитан Сгибнев был назначен командиром нашего батальона, сейчас учится в Москве».

Со стены на нас смотрели большие черные глаза. Голова Сгибнева была покрыта густыми черными волосами, на груди светлела звездочка Героя.

Ниже я увидел знакомое лицо Иволгина. О нем ротный историк написал так:

«Геройский старшина пятой роты Иван Степанович Иволгин. Родился на Волге, в семье колхозного кузнеца. Кончил семилетку, а в 1939 году был призван в армию. Отлично окончил полковую школу. Начал войну командиром отделения. В боях проявил храбрость и отвагу. Семь раз ранен. Под Минском взял в плен немецкого полковника. Командовал взводом, демобилизован по Указу Президиума Верховного Совета СССР в 1945 году. Награжден тремя орденами и шестью медалями. На фронте социалистического строительства показывает образцы преданности партии и правительству. Колхоз, в котором тов. Иволгин работает председателем, два года держит первенство во всем районе».

Узбек Мурзаев — в прошлом пулеметчик роты — в письме, которое было вывешено тут же, под его портретом, писал:

«Вы, товарищи, заняли первое место в полку. Вы свое обещание выполнили. А я и в этом году остался на втором месте. Старался, старался, но жена не дала себя перегнать. Ее бригада выполнила задание по урожайности хлопка на 215 процентов, а моя — на 211... Но я ее обгоню, даю слово моим боевым товарищам из пятой роты...»

Здесь же висели фотографии бывшего командира взвода, ныне учителя в Казахстане, Самбетова; бывшего сержанта, а сейчас бригадира на шахте в Донбассе Федора Лопатина и других.

Пятая рота! Гордость энского гвардейского полка! В ней, в ее истории, как в зеркале, отражены героические традиции Советской Армии, лучшие черты нашего славного советского народа.

Рота стоит далеко от Родины. Но и там она живет интересами родной страны, выполняет волю и приказ великой социалистической Отчизны.

ВЕЛИКИЙ ХИРУРГ

Николай Нилович БУРДЕНКО.

Николай Нилович Бурденко — хирург и нейрохирург. В течение сорока лет он был профессором хирургии, читал лекции студентам факультетской хирургической клиники и делал операции, изумительные по смелости и виртуозности исполнения.

Но все же Бурденко известен как нейрохирург. Он создал первый специальный Научно-исследовательский нейрохирургический институт, который ныне знает весь мир образованных медиков. Второго медицинского учреждения такого типа нет в Европе.

Я хочу рассказать, как Бурденко заинтересовался нейрохирургией и что привлекло его внимание к этой специальности. Но сначала кратко коснусь детства и юности Николая Ниловича.

Бурденко родился и провел детство в деревне, в бедной и многодетной семье конторщика-счетовода «экономии». У отца его было 8 детей. Коля был третий сын. Обстановка жизни была очень примитивной. Мальчик ползал по полу, там же ходили куры. Однажды ко лбу Коли пристало подсолнечное зерно. Петух увидел семечко и так клюнул Колю в лоб, что вместе с зерном вырвал кусок кожи. Шрам этот остался на всю жизнь.

Старшие братья уже ходили в сельскую школу, когда Коле было пять с половиной лет. Он заинтересовался книжками и уроками братьев и упрямо начал ходить с ними в школу. Сначала учитель отсылал его обратно, но потом, видя настойчивость мальчика, разрешил ему присутствовать на уроках. Коля научился читать к шести годам. Дедушка, бывший крепостной, грамотный и умный старик, решил дать Коле «образование». Единственным доступным учебным заведением была духовная семинария в Пензе. Туда и определили Колю.

Семинарию Бурденко окончил блестяще. Его направили в Санкт-Петербургскую духовную академию казенным стипендиатом. Однако Николай Нилович избрал себе другую профессию: он решил сделаться врачом и поехал в Томск.

Что слышали мы и знали об операциях 50 лет назад? Больницы и операции в ту пору были для обывателя чем-то страшным, несущим не исцеление, а преждевременную смерть. И вот неискушенный провинциал избирает медицину как поле своей будущей деятельности.

Блестящие операции талантливого хирурга профессора Томского университета Салищева возбудили воображение молодого Бурденко. И вскоре его выбор был сделан: он будет хирургом.

Ключ к врачеванию и освоению медицины в широком смысле лежит через анатомию. И студент Бурденко погрузился в изучение этого предмета. В течение трех курсов он овладевает искусством вскрытия и приготовления анатомических препаратов.

Студента 3-го курса Николая Бурденко официально назначают помощником прозектора.

В 1901 году, прослушав шесть семестров в Томском университете, Николай Нилович переводится в Юрьевский университет.

В апреле 1904 года Бурденко в составе летучего отряда под руководством профессора Цеге-Мантейфеля едет на театр военных действий в Маньчжурию. Там, на поле боя, он подбирает раненых, оказывает им первую помощь и впервые видит людей, раненых в голову и в спинной мозг.

«Кровь — это сок особого свойства, — часто говорил Николай Нилович. — А мозг — это еще более удивительная и чудесная субстанция, не похожая ни на что».

В непроницаемой и недоступной глазу черепной коробке, наполненной массой полужидкой консистенции, заложены центры мышления и истоки самой жизни. 40 лет назад рентгеновские аппараты были крайне несовершенны, и тогда еще никто даже не помышлял о возможности увидеть что-либо в черепе. Каким таинственным образом совершаются в мозгу физические и психические процессы, которые управляют законами органической жизни человека?

Здоровый мозг — гарантия гармонии психической и физической жизни человека. И как трагичны явления больного мозга!

Николая Ниловича прежде всего интересовала возможность вмешательства в расстроенную гармонию жизни мозга.

30—40 лет назад, когда Бурденко начинал свою врачебную деятельность, операции в области мозга были очень редкими и почти всегда смертельными. Да и приступали к ним в момент полной безнадежности больного, рассчитывая лишь на случайную удачу.

Десятки тысяч хирургов работают у операционного стола, но очень немногие из них посвящают себя нейрохирургии. Эта область наиболее «темная», трудная и неблагодарная.

И тем не менее Николай Нилович увлекся перспективой борьбы за восстановление гармонии в больном мозгу хирургическим путем.

Вначале многие пожимали плечами и удивлялись его непреклонному стремлению изучить болезни мозга, требующие хирургического вмешательства, и найти доступ к пораженным участкам. Но чем больше Николай Нилович углублялся в изучение поставленной проблемы, тем больше он увлекался ею. Шаг за шагом он добивался успеха.

Многим и многим больным Бурденко спас жизнь, многих и многих вернул к нормальной жизни и труду.

Имя Бурденко с благодарностью произносят тысячи его пациентов. Вот одно из писем, полученное им в 1943 году из Иркутска:

«Глубокоуважаемый Николай Нилович!

Примите мое поздравление со званием генерала. Желаю и впредь получать высокие звания. Сегодня знаменательная дата для меня. 15 февраля исполнилось 10 лет со дня сделанной вами мне операции по поводу невралгии тройничного нерва. Только в смерти я искала спасения от своих мучительных страданий. Вы, глубокоуважаемый профессор, вернули меня к жизни, от которой я совсем было отреклась. 10 лет жизни! Они дали мне много радостей. Теперь я свидетельница наших блестящих побед, свидетельница мировых событий. Все это благодаря вашему великому искусству. Спасибо, спасибо и еще раз великое.

На всю жизнь благодарная вам

П. ЦИРУЛЬНИКОВА».

Николай Нилович Бурденко, выдающийся ученый и замечательный русский человек, получил мировое признание не только как крупнейший новатор в области нейрохирургии, но и как руководитель всей отечественной военно-хирургической науки, направленной к спасению и исцелению защитников социалистической Родины.

Крупным природным талантом и феноменальной трудоспособностью, горячей любовью к Родине и своему народу объясняется многогранная научная, педагогическая, общественная и государственная деятельность Н. Н. Бурденко.

Возглавлять хирургию всей Действующей армии было делом исключительной сложности. Ведь тут приходится руководить работой многих десятков тысяч врачей, из коих очень немного специалистов-хирургов. Кроме таланта организатора тут нужны огромные знания ученого: зачастую находу приходится выбирать и рекомендовать лучшие и наиболее эффективные и доступные в полевых условиях методы лечения. Только знания хирурга и ученого самого широкого диапазона, какими обладал Н. Н. Бурденко, давали ему возможность так блестяще справляться со стоявшими перед ним задачами.

Неизмеримы заслуги Бурденко в области новой науки — нейрохирургии. Исследования Бурденко никогда не ограничивались какой-либо одной узкой хирургической специальностью. Ему одинаково были близки и интересны проблемы обезболивания, вопросы травматического шока, ортопедической хирургии, лечебной торакопластики, хирургии абдоминальной, урологической и пластической. В его научных трудах, в работах его учеников и ассистентов ярко отражены эти разнообразные проблемы.

Имя Н. Н. Бурденко войдет в историю отечественной и мировой медицины наряду с именами крупнейших ученых прошлого и настоящего.

Публикуемые записки М. Э. Бурденко — вдовы Николая Ниловича — представят интерес для читателей.

Профессор С. С. ЮДИН,
действительный член Академии медицинских наук СССР.

Николай Нилович Бурденко был первоклассным и зрелым хирургом к Великому Октябрю 1917 года, но полный расцвет и размах его талант получил лишь в советский период.

Юрьевский университет, где работал в ту пору Николай Нилович, был переведен в Воронеж.

В Воронеже Бурденко горячо берется за устройство университета и главным образом медицинского факультета. Шла гражданская война. Воронеж переходил из рук в руки. Николай Нилович укрывал раненых красноармейцев в клинике и работал, работал неукротимо. Одно время он читал лекции на нескольких кафедрах: так страстно хотелось, чтобы медицинский факультет жил. И он жил!

В 1922 году Николая Ниловича пригласили в Москву, в 1-й МГУ.

Он долго не решался покинуть Воронеж, не желая оставлять неустроенные университетские дела, но в марте 1923 года Бурденко все же переехал в Москву.

Через год, в апреле 1924 года, умер профессор Спижарный, и Николаю Ниловичу предложили кафедру факультетской хирургической клиники.

В клинике Бурденко начал принимать мозговых больных.

Мысль о создании специального нейрохирургического лечебно-научного учреждения со всей силой овладела им.

В 1928 году он увлек своей мечтой академика П. П. Лазарева, бывшего тогда директором Рентгеновского института, и, получив разрешение в правительственных органах, они основали при Рентгеновском институте первую нейрохирургическую клинику на 25 коек.

Клиника быстро завоевала известность. Больные прибывали со всех концов Союза, мест нехватало, и встал вопрос о новом помещении. В 1933 году Николай Нилович получил здание на Ульяновской улице, 13, переоборудовал его, во дворе построил новый корпус для лабораторий, библиотеки, конференцзала. Так возник Нейрохирургический институт.

Слава Нейрохирургического института и его создателя, советского ученого Николая Ниловича Бурденко, вскоре перешагнула рубежи Советского Союза.

Николай Нилович ездил часто заграницу знакомить зарубежных медиков с достижениями советской медицинской науки. Он часто говорил: «Мне учиться в Европе нечему».

Помню, в 1935 году мы были в Париже на «советско-французской ученой неделе». Николай Нилович сделал доклад о своих операциях на желудочках мозга. Доклад был встречен шумными овациями присутствующих профессоров — хирургов и невропатологов.

В 1937 году французское правительство пригласило Николая Ниловича на открытие международной выставки в Париже. Николай Нилович не смог выехать в намеченный срок и приурочил свою поездку к съезду французских хирургов. На съезде он сделал доклад о совершенно новой операции, которую разработал вместе со своим сотрудником Б. Н. Классовским и назвал «бульботомией». Люди, перенесшие энцефалит, страдают тяжелейшими последствиями — болезнью Паркинсона. Эта болезнь проявляется в дрожательном параличе и судорожном сведении конечностей. Больные беспомощны, нуждаются в постоянном уходе, их надо кормить, сами они не владеют ни руками, ни ногами. И вот многим из таких больных «бульботомия» принесла исцеление — дрожание прекратилось, мышцы рук и ног получили способность к произвольным движениям, человек опять мог самостоятельно есть, одеваться, передвигаться, писать.

Н. Н. Бурденко в студенческие годы.

Доклад Николая Ниловича положительно потряс аудиторию.

Профессор Де-Мартель, крупнейший нейрохирург Франции, попросил Николая Ниловича сделать у него в клинике такую операцию. Николай Нилович согласился. Операцию он делал при огромном стечении врачей и профессоров Парижа.

Началась Великая Отечественная война. Николай Нилович немедленно включился в работу по организации санитарной службы Советской Армии.

Приказом Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина Бурденко был назначен главным хирургом Советской Армии.

Он едет на фронт, проделывает на машине тысячи километров, посещает фронтовые госпитали и передовые медсанбаты.

В Москве он пишет и редактирует инструкции о правильной сортировке и эвакуации раненых — краеугольном камне успешного лечения, — пишет статьи по военно-полевой хирургии.

В середине войны появляется новое могущественное средство борьбы с раневой инфекцией — пенициллин. Николай Нилович организует бригаду и едет с ней в прифронтовую полосу. Он проверяет действие пенициллина, применяя его различными методами и в различные сроки после ранения. Результат — «Письма хирургам фронтов о пенициллине». Особо изучает Бурденко действие пенициллина при мозговых ранениях. Он изобрел метод введения сначала сульфамидных препаратов, а потом и пенициллина непосредственно в сонную артерию, питающую мозг. Вместе с кровью лекарственные препараты быстро достигают больных участков мозга и оказывают свое действие.

Бурденко выступает на конференциях военных хирургов. В 1943 году на пленуме фронтовых хирургов он делает доклад о вторичном шве.

А в нейрохирургических госпиталях работают ученики Николая Ниловича.

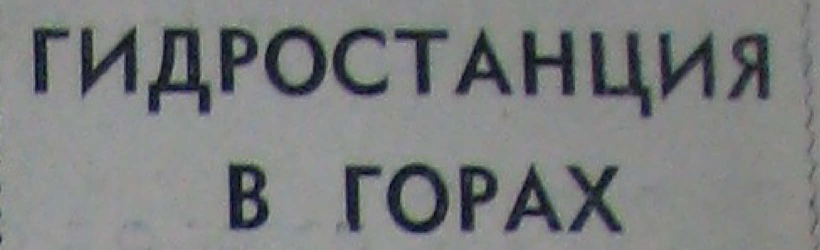
Советское правительство высоко ценило работу Н. Н. Бурденко. Грудь его украшали три ордена Ленина и звезда Героя Социалистического Труда. В 1941 году ему было присвоено звание лауреата Сталинской премии. Народ избрал его депутатом Верховного Совета СССР. Он имел высокое воинское звание генерал-полковника медицинской службы.

В годы войны Николай Нилович задумал создание Академии медицинских наук. Он мыслил себе академию как центр разработки новых научных методов сохранения и восстановления здоровья советского человека, как штаб борьбы за долголетие.

Цель советской медицинской науки — добиться того, чтобы человек от рождения до естественной смерти был здоров, чтобы он мог продуктивно трудиться, творить, радоваться. Этой цели всей своей жизнью, всей своей деятельностью добивался Николай Нилович Бурденко.

Н. Н. Бурденко у выздоравливающего пациента.

ГИДРОСТАНЦИЯ В ГОРАХ

Антанас ВЕНЦЛОВА

Свет зари из чаши неба
Лился по горам высоким,
Словно гроздья винограда
Брызнули янтарным соком.

Видел я, как, просыпаясь,
Ввысь орлы со скал взлетали,
Как сверкали водопады
Лезвием дамасской стали.

От лучей порозовела
Голова горы седая.
Город спал еще на склонах,
На работу не вставая.

Словно краски на палитре,
Все цвета зажгли просторы,
Различить мне было трудно,
Где тут небо, где тут горы.

Здесь в поток реки бурливой
Каждый день, за тонной тонна,
Опускались тяжко глыбы
Из железа и бетона.

Волны яростно метались,
Прыгали через твердыни,
Потрясая белой гривой,
Словно скакуны пустыни.

Дружно, весело, упорно
Труд кипел. Гора разъялась.
День и ночь росла преграда,
И реки смирялась ярость.

В пене бурных вод рожденный,
Свет по проводам на кручи
Заструился, высекая
Искры молнии летучей.

Словно в сказке, вырос город,
А у каменной плотины
Завращались, забурлили
Белопенные турбины.

С грохотом гора разверзлась,
И земля открыла недра,
Труд людской вознаграждая
Всем своим богатством щедро.

Поезда загрохотали,
Пролетая сквозь туннели.
Мандарины и лимоны,
Созревая, зажелтели.

Все прекрасней и богаче
Расцветает год от года
Человеческою волей
Обновленная природа!

Перевел с литовского
Мих. ЗЕНКЕВИЧ

«Первый декабрист»

НОВОЕ О В. Ф. РАЕВСКОМ

Владимир Федосеевич Раевский родился в 1795 году. Воспитание получил в Московском университетском благородном пансионе. Во 2-м кадетском корпусе, куда Раевский поступил из пансиона, он сдружился с Батеньковым. Друзья проводили целые вечера в патриотических мечтаниях, развивая в беседах свободные идеи. При выходе из корпуса они дали друг другу обещание привести свои идеи «в действо».

Идеи Радищева, французской просветительной философии, мощный народный подъем, вызванный Отечественной войной 1812 года, оказали огромное влияние на формирование взглядов Раевского. В 1816 году он делает первую попытку воплотить свои мечты в жизнь — организует нелегальное общество. В 1818 году Раевский вступает в «Союз благоденствия», а позднее — в «Южное тайное общество». Основное внимание он обращает на работу среди солдат, исподволь подготавливая их к восстанию.

Бунт в Камчатском пехотном полку решил судьбу Раевского. В этом событии, и не без основания, командование армией увидело результат революционной деятельности Раевского. Пушкин успел предупредить своего друга-декабриста о предполагаемом аресте, и он уничтожил все компрометирующие документы. Раевский был арестован в феврале 1822 года и заключен в Тираспольскую крепость. На допросах он отказался назвать имена своих друзей — членов общества. Благодаря стойкости Раевского южное общество декабристов избежало разгрома в 1822 году.

Первый декабрист был приговорен к смертной казни. Но приговор не сломил его. Он не просил милости, а обвинял своих политических врагов в выступлениях на заседаниях судебных комиссий, в литературных, публицистических произведениях, написанных в крепости и распространявшихся друзьями-декабристами, караульными офицерами. Смертная казнь была отменена. В 1828 году Раевского лишили чинов, дворянского звания и сослали в Сибирь, где он приписался к крестьянскому сословию. С этого момента начинается хозяйственная и культурная деятельность декабриста в селе Олонках, Иркутской губернии. Умер он на своей «второй родине» — в Сибири — в 1872 году.

Как поэт, Раевский мало известен. Его первые произведения были напечатаны в 1815 году в «Духе журналов», «Украинском вестнике», «Украинском журнале». Но большая часть его произведений, написанных в крепости и после ссылки в Сибирь, не увидела света. Они хранились в жандармских архивах, судебных делах, личных архивах общественных и литературных деятелей того времени и в потайных рукописных сборниках и списках.

Политическая страстность и художественная зрелость произведений Раевского способствовали их распространению в тайных рукописных списках. Они-то и создали в свое время поэту славу «Певца в темнице.»

Мне удалось разыскать в различных центральных и областных архивах автографы его стихотворений, черновики, переводы, письма, записки, дневники.

Среди них большое место занимают произведения, относящиеся к 1815—1822 годам. Назову некоторые из них: «Признание», «К сельскому убежищу», «Глас правды», «Элегия к осени», «Послание П. Г. Приклонскому», «Послание Г. С. Батенькову», «Песнь воинов перед сражением», «Плач негра», «Сатира на нравы», «Смеюсь и плачу», «Послание к другу» и другие. Из материалов, посвященных политическим вопросам, нужно назвать «Записку о рабстве».

В настоящее время мною закончена обработка этого материала и подготовлено, в основном, первое собрание сочинений В. Ф. Раевского.

Свою поэтическую деятельность Раевский начал как последователь «легкой поэзии». В довольно многочисленных (неопубликованных) произведениях он воспевает кубок Вакха, дев, зовущих к наслажденью, застольных друзей. Однако среди этих произведений сохранилось «Признание», свидетельствующее о том, что поэтизация наслаждений сменилась более серьезным взглядом на жизнь и литературу. Раевский пишет стихи глубокого философского содержания. Такова «Элегия к осени» (1817—1819 годы). В этом произведении Раевский описывает вечное движение жизни, как закон природы, и восхваляет «могущество ума, дух сильный, дар свободы».

«Скажи, не ты ль дерзнул
проникнуть сокровенье
И Прометеев огнь предерзостно
возжечь?
Измерить разумом миров
круговращенье,
И силу дивную и огнь громов
пресечь?
По влаге гибельной открыть пути
нещетны?»

Поэт верит в творческое величие человека. Этим не исчерпывается содержание «Элегии». Поэт выступает против тирании, которой он посвящает такие строки:

«Но кто сей человек не духом
возвышенный,
Но властью грозною народа
облечен?
Зачем в его руках сей пламенник
возженный,
Зачем он стражею тройною
окружен?..
Отец своих сынов не может
устрашиться —
Иль жертв рыдающих тирану
страшен вид?
Призрак отмщения в душе его
гнездится,
Тогда как рабства цепь народ
слепой влачит».

В «Элегии» утверждается философское свободомыслие. Она перекликается с мотивами оды Пнина «Человек» и с произведениями Радищева. Раевский верит, что настанет «грозный день... и в бездну упадет железный злобы трон!.. и Добродетели и Правды луч ясный возблестит».

«Элегия к осени» вместе с другими произведениями была обнаружена жандармами при аресте Раевского и использована как обвинительный материал против мятежного поэта.

От философской лирики поэт переходит к произведениям на темы общественной жизни. Его горячее патриотическое чувство первого декабриста нашло выражение в таких проникновенных стихах, как «Послание Г. С. Батенькову», «Послание П. Г. Приклонскому», «Песнь воинов перед сражением» и др. Все они посвящены 1812 году.

«Сыны полуночи суровой
Мы знаем смело смерть встречать,
Нам бури, вихрь и хлад знакомы...
Сей новый Ксеркс[1] стопою силы,
Как огнь всежгущий к нам
притек
Узреть Батыевы могилы,
Сарматов плен и шведов рок;
Узреть поля опустошенны,
Прах мирных сел и городов,
И небо заревом возженно,
И вкруг изрытый ряд гробов, —
А перед собою встретил Перуны
мести
И твердокаменную грудь —
С хоругвью: «Смерть на поле чести
Иль свершим опасный труд».
Ужель страшиться нам могилы?
И лутче ль смерти плен отцов,
Ярмо и стыд отчизны милой
И власть надменных пришлецов?
Нет, нет, судьба нам меч вручила,
Чтобы покой отцов хранить;
Мила за родину могила,
Без Родины поносно жить!»

(«Песнь воинов перед сражением»)

Свои сатирические стрелы Раевский направляет в сторону светского общества, тупого, самодовольного и безразличного к судьбе Родины. В этом отношении наиболее интересны «Смеюсь и плачу», «Сатира на нравы». Следственная комиссия по делу декабристов обратила особое внимание на первое произведение, считая, что идейно оно перекликается с «Рассуждением о рабстве», в котором Раевский высказывает резко отрицательный взгляд на общественный строй, безнаказанно попирающий элементарнейшие права человека, и проводит мысль о необходимости революционного переустройства общества.

В. Ф. Раевский.

В «Записке о рабстве», частично опубликованной Семевским, Раевский писал: «Кто дал человеку право называть человека моим и собственным, по какому праву тело, имущество и даже душа одного может принадлежать другому? Откуда взят закон торговать, менять, проигрывать, дарить и тиранить подобных себе человеков?.. Взирая на помещика русского, я всегда воображаю, что он вспоен слезами и кровавым потом своих подданных, что атмосфера, которою он дышит, составлена из вздохов сих нещастных... Мы — чье имя и власть от неприступного Северного полюса до берегов Дуная, от моря Балтийского и Каспийского дает бесчисленным племенам и народам законы и права — мы внутри самого нашего величия не видим своего унижения в рабстве народном. Какое позорище для каждого патриота видеть вериги, наложенные на народ правом смутных обстоятельств и своекорыстием».

Своей «Запиской о рабстве», являющейся ответом крепостнику Растопчину, Раевский хотел «открыть глаза и вывести из заблуждения незнающих» и показать «софизм бесчувственных эгоистов и тиранов народных».

В «Сатире на нравы» Раевский дает широкое и разностороннее изображение светского общества. Под внешней добропорядочностью светских людей кроется бессердечная душа преступников и себялюбцев. С горечью и сарказмом поэт говорит о «чуме иноплеменной», об увлечении «иноплеменными модными уставами», утвержденными светскими вертопрахами, чтущими «как божество творителя помад». Поэт стремится уйти от этого общества «под кров святой, где верный путь к победе — с пером и книгами в беседе». Он — «беглец забавы», в красном старом колпаке живет «в хижине простой, вдали от сует, забот и славы».

«Вспоминая злых невежд собранье, по уму весь желтый дом и навозных куч сиянье», поэт пишет:

«Лучше в хижине простой
Жить с скотами, с простотой,
Чем с людьми скотов глупее!
Дымный воздух и сырой,
Стены зеленью покрыты,
Пухлый пол в местах изрытый,
И в дверях навоз рекой,—
Друг мой, мне сто раз дороже
Чем то с почестями ложе,
На котором князи спят!!»

(«Послание к другу»)

Произведения поэта 1819—1822 годов приобретают политическую заостренность и злободневность. В эти годы он пишет «Записку о солдате», «Рассуждение о рабстве», «Вечер в Кишиневе». Публицистическая деятельность не могла не сказаться на его лирике: она подготовила тюремные стихи поэта. В крепости поэтический облик Раевского приобрел те черты политической страстности и художественного совершенства, которые по достоинству были оценены современниками. Они вызвали одобрение Пушкина и закрепили за поэтом имя «Певца в темнице».

В заключении Раевский развивает активную политическую деятельность. В это время им были написаны «Певец в темнице», «К друзьям в Кишиневе», «На смерть моего скворца». Мною разысканы новые варианты послания «К друзьям в Кишинев» (из них один список выверен самим поэтом) и «На смерть моего скворца». Обнаружен также и «Протест», написанный Раевским после вынесения ему смертного приговора. В «Протесте» изображены картины произвола и беззакония во время ведения его дела.

Мною разысканы также автографы произведений, написанных декабристом в Сибири. Среди них находятся и автографы произведений, напечатанных в «Русской старине».

Речь идет о «Послании к К... ву», «Она казалась мне мила», «Предсмертной думе». Одновременно обнаружены архивные материалы о политических процессах, возбужденных III отделением в связи с рукописным распространением произведений Раевского. Следствием руководил сам Николай I.

Тексты, помещенные в «Русской старине», значительно изменены, в них вытравлены демократические мотивы, сглажена острота высказывания. В качестве примера приведу один из отрывков из «Послания К-ву» (1831 год), отсутствующих в публикации «Русской старины»:

«С людьми мира я не просил,
Я их узнал, я их чуждался,
Приветов, ласки их боялся,
И дружбы, как вражды крамольной
трепетал.
Я видел, как, укрыв отточенный
кинжал,
Мне руки жмет с улыбкою лукавой
И крест на грудь кладет рукой, еще
кровавой
По человечеству мой брат!
Везде я слышал плач и жалобные
стоны
И видел, как в пыли потоптаны
лежали
Права народные, щит слабого —
законы».

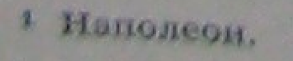
Без изменения осталось только одно произведение «Она казалась мне мила», безобидное в политическом отношении. Кроме этого имеются еще и другие автографы Раевского, показывающие, что в 30-х годах в его творчестве появляются мотивы примирения с судьбой и даже упаднические настроения. Однако вскоре они преодолеваются, и поэт создает «Предсмертную думу», в которой опять слышен голос «Певца в темнице».

Известный интерес представляет «Собственноручная записка В. Ф. Раевского», написанная им в 1858 году для И. Липранди.

«Записка» содержит краткое сообщение о ходе дела Раевского: объяснение причин ареста, о тайном обществе, о двух следствиях и трех судах над Раевским, историю его брата Григория, схваченного «третьим отделением» по делу о распространении произведений В. Ф. Раевского, перечень службы и краткое описание жизни Раевского в Сибири. В этой же «Записке» есть такие интересные строки: «Дело мое было слишком шумно. «Протест» мой против генерала Сабанеева ходил по рукам. Какие-то стихи под моим именем также. Вероятно «Протест» мой, переходя по инстанциям, был списан. Стихи могли быть написаны Пушкиным, который был при аресте моем в Кишиневе и был со мною в приязни, или кем-нибудь другим. Об этом «Протесте» и о стихах 1828 года был мне запрос через гражданского губернатора уже в Иркутске».

Даже в 1858 году Раевский осторожен в своих высказываниях. В действительности же, как свидетельствуют архивные материалы, сам Раевский и распропагандированные им офицеры крепости распространяли «разрушительные сочинения» между офицерами и частными людьми, стремясь «приготовить волнение умов к будущему». Стихи же были в действительности написаны не Пушкиным, а самим Раевским.

П. БЕЙСОВ

[1] Наполеон.

К. Максимов. — В лодке.
Всесоюзная Художественная выставка 1947 года.

Б. Щербаков. — Лето в Подмосковье.
Всесоюзная Художественная выставка 1947 года.

К. Максимов. — Сдача хлеба государству.

Всесоюзная художественная выставка 1947 года.

В полный голос

(Молодые живописцы Москвы на Всесоюзной художественной выставке 1947 года)

На Всесоюзной выставке 1947 года не приходится специально разыскивать работ молодежи. Картины молодых художников привлекают внимание посетителей актуальной тематикой и ярким, правдивым изображением жизни.

Большая, волнующая тема придает значимость и полноценность работам В. Цыплакова, К Максимова, С. Дудника, В. Щербакова, Д. Тегина, В. Нечитайло, Н. Горлова, А. Грицая, Ю. Кугача, Г. Малянтовича и ряда других художников. Картины их посвящаются лучшим людям Советской страны, самоотверженному труду колхозников и рабочих.

В. Цыплаков воссоздает в своем творчестве облик Ленина, Горького, Чапаева, Зои Космодемьянской и каждый раз добивается своего, особого живописного решения.

В его последнем полотне—«В. И. Ленин» мастерски выполненная фигура вождя придает картине внутреннюю и убеждающую силу. Красногвардейцы и невидимая, но явственно ощущаемая зрителем толпа, взволнованно слушающая слова Владимира Ильича, помогают раскрытию образа величайшего гения человечества.

К. Максимов экспонирует два полотна: «Сдача хлеба государству» и «В лодке». Изображая Волгу, молодой живописец показывает великую русскую реку в новом ее обличье. Он рассказывает о трудовом героизме колхозников, о счастливых детях.

В своей работе «Колхозное собрание» В. Нечитайло затронул нужную и ответственную тему, лично ему близкую и дорогую. Художник родился в деревне и в юности работал в колхозе. Он удачно решил трудную композицию (в картине около 40 персонажей!), показал мастерство в портрете и добился выразительности в типаже.

Над воплощением в изобразительном искусстве жизни советской деревни работает также Д. Тегин. Он исполнил картину «Колхозная кузница». Тегин равно силен и в рисунке, и в композиции, и в колорите. Это сформировавшийся, зрелый художник.

А. Грицай с первого и до последнего дня войны пробыл на фронте: сначала солдатом, а потом старшим лейтенантом. После демобилизации он возвратился к живописи и стал пейзажистом. Однако он не замыкается в рамках пейзажа и в этом году вместе с В. Щербаковым посетил уральские машиностроительные заводы, где создал несколько удачных полотен на производственные темы.

По манере письма А. Грицаю близок Б. Щербаков, относящийся с В. Цыплаковым к наиболее известным представителям молодого поколения советских художников.

Спокойное, уверенное письмо Б. Щербакова выдает в нем мастера. Он работает и в пейзаже, и в исторической, и в бытовой живописи. Его обращение к жизни уральских заводов знаменует новый этап в развитии его творчества.

Внимание посетителей выставки привлекает превосходный этюд С. Дудника «Голова колхозника». Широкая живописная подача образа свидетельствует о способности Дудника к портрету.

Интересны работы Ю. Кугача «Высокая награда» и «Клятва», «Зимний взят» Н. Горлова, «Портрет Дарьи Гармаш» Г. Малянтовича, «Колхозная свадьба» А. Бокова, «Возвращение из немецкого плена» А. Волкова, «В родной семье» В. Киселева, «У родных берез» Я. Соколова — все эти картины—показатели профессионального совершенствования художественной молодежи в сочетании с ее духовным ростом.

В залах Третьяковской галлереи и Музея изобразительных искусств произведения молодых живописцев проходят ответственное испытание на право самостоятельной жизни.

Молодые москвичи смело выдерживают трудный экзамен и без тени страха, в полный голос, разговаривают своими творениями с тысячами посетителей.

Опора и сила молодых художников в созидательной жизни нашей страны, откуда черпают они идеи, сюжеты, краски, в великолепной школе, пройденной под руководством С. Герасимова, Г. Шегаля, В. Яковлева, Г. Ряжского и других мастеров.

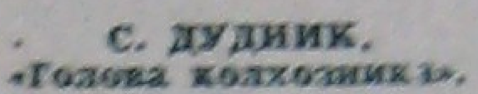
Опора и сила в их страстном патриотизме, помноженном на верность реалистическим традициям русской живописи, и непрестанном творческом искании.

Э. БРАГИНСКИЙ

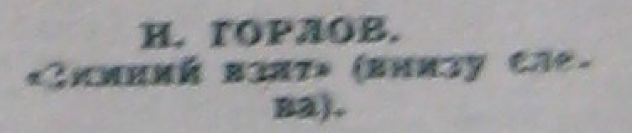

Д. ТЕГИН.
«Колхозная кузница».

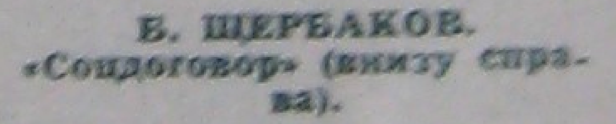

С. ДУДНИК.
«Голова колхозника». →

Н. ГОРЛОВ.
«Зимний взят» (внизу слева).

Б. ЩЕРБАКОВ.
«Соцдоговор» (внизу справа).

Картина академика В. П. Ефанова «Встреча слушателей Военно-Воздушной академии имени Жуковского с артистами театра К. С. Станиславского». Произносит речь Константин Сергеевич Станиславский. Справа от него Герой Советского Союза капитан Н. П. Каманин (ныне генерал-лейтенант авиации), солисты театра М. Н. Шарова и П. И. Макеев. Слева от Станиславского — старший лейтенант А. И. Полухин (ныне инженер-подполковник), заслуженная артистка РСФСР М. Л. Мельтцер (ныне народная артистка РСФСР), дирижер М. Н. Жуков (ныне заслуженный артист РСФСР), солистка театра А. Т. Васильева. Напротив Станиславского (с белым песцом на коленях) заслуженная артистка РСФСР М. С. Гольдина (ныне народная артистка РСФСР).

ТОСТ ЗА ЛЕТЧИКОВ

В 1948 году исполняется 25 лет шефства работников искусств над Советской Армией. Лучшие мастера советской сцены руководят художественной самодеятельностью воинских частей, дают специальные спектакли для бойцов и офицеров.

В 1935 году, 22 декабря, на квартире К. С. Станиславского состоялась встреча слушателей Военно-Воздушной академии имени Жуковского с творческим составом оперного театра Станиславского, посвященная установлению шефства театра над Академией.

Академик В. П. Ефанов запечатлел эту встречу в большом композиционном полотне.

Мы попросили генерал-лейтенанта авиации Героя Советского Союза Николая Петровича Каманина поделиться с читателями «Огонька» воспоминаниями об этом вечере, участником которого он являлся.

Н. КАМАНИН,
Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации

В 7 часов вечера занятия в Академии закончились, и я спустился в вестибюль. Здесь было человек двадцать слушателей. Вскоре подошли и остальные. Машины стояли уже у подъезда. Мы сели, и автомобили вереницей покатили по Ленинградскому шоссе.

Все были взволнованы предстоящей встречей. Еще несколько минут — и мы увидим величайшего русского актера и режиссера, самого Константина Сергеевича Станиславского. Никто из нас до этого дня не встречался с ним. Мы знали Станиславского главным образом по его книге «Моя жизнь в искусстве».

Традиционными в Академии были выезды в театр. Многие из слушателей впервые попали в Москву и пребывание в Академии использовали не только для учебы по специальности и поднятия общего культурного уровня, но и для ознакомления с культурной жизнью столицы. Мы жадно впитывали в себя все, что давала Москва: ходили в музеи, на выставки, любовались архитектурными и скульптурными памятниками столицы, а вечерами посещали театры. Я был завсегдатаем Художественного театра. За короткое время несколько раз смотрел «Горячее сердце» А. Н. Островского, «Женитьбу Фигаро» Бомарше...

На программах этих спектаклей неизменно значилось: «Постановка К. С. Станиславского». Неожиданно я узнал, что Станиславский — не только драматический режиссер, но и оперный.

Товарищ предложил мне билеты на «Евгения Онегина» в оперный театр, которым руководил Константин Сергеевич. Я много раз слушал «Онегина», но никогда так не воспринимал красоту и чистоту пушкинского стиха, мелодичность музыки Чайковского...

Все эти мысли сменяли одна другую, пока мы ехали по улице Горького. Вот площадь Пушкина... Свернули в маленький переулок и остановились перед небольшим домом, в центре которого ярко светились три высоких окна. Мы прошли через двор и вошли в подъезд. Не успели открыть двери, как раздались мощные звуки «Славы». Пели все собравшиеся. Навстречу нам шел сам хозяин дома Константин Сергеевич Станиславский. Мы представились. Затем Станиславский представил нас коллективу своего театра.

Концерт проходил в небольшом зале. В одной половине разместились слушатели, в другой, там, где был портик, — актеры.

Вначале были исполнены сцены из «Евгения Онегина». Когда среди белых колонн появилась артистка Мельтцер — Татьяна, — я вспомнил постановку этой оперы на сцене театра: такой же зал, с мраморными колоннами, типичными для времен Пушкина.

Станиславский разъяснил нам, что первая постановка оперы осуществлялась у него дома и актеры настолько привыкли к этой обстановке, что было решено повторить ее на большой сцене, колонны стали и эмблемой театра.

* * *

По окончании концерта в зале подле колонн был поставлен овальный стол в окружении маленьких квадратных столиков. Константин Сергеевич широким, радушным жестом пригласил садиться. Я очутился по правую руку Станиславского, старший лейтенант Полухин — по левую. Разлили шампанское. Первый тост произнес Константин Сергеевич. Он говорил о радости советского актера, скрепляющего дружбу со смелыми соколами.

— У нас «общие задачи», — шутил Станиславский. — Вы летаете в стратосферу, а мы летаем на крыльях фантазии в сферу воображения...

И добавил:

— А будут пьесы о героях воздушного флота, будем их ставить.

Я пью, — продолжал Константин Сергеевич, — за героических советских летчиков, которыми мы все гордимся!

Станиславскому долго и горячо аплодировали. Речи следовали одна за другой. Пришлось говорить и мне. Вместо тоста Станиславский попросил рассказать о челюскинской эпопее, в которой я принимал участие.

Встреча затянулась за полночь. Перед нашим уходом был подписан договор о шефстве театра имени Станиславского над Военно-Воздушной академией имени Жуковского.

Константин Сергеевич лично уделял шефской работе большое и серьезное внимание.

В годы Отечественной войны я командовал авиационным соединением. Помню... Веду самолет над вражеской Австрией. Включаю радио и слышу торжественную музыку «Славы» из оперы «Царская невеста». Сразу вспомнилось: Москва. Особняк великого артиста. «Слава» и незабываемый облик улыбающегося Константина Сергеевича Станиславского.

В. П. Чкалов среди артистов театра имени Станиславского. Справа от Чкалова — М. С. Гольдина, слева — М. Л. Мельтцер и А. И. Демидова.

Танец — зеркало нравов

И. МОИСЕЕВ,

лауреат Сталинской премии

Вопрос о новых формах бытового танца — безусловно, «совсем не пустяк», как говорит В. Городинский в своей статье «Приглашение к танцу» (см. «Огонек» №№ 3—4). Он совершенно прав, подчеркивая огромную роль танца в эстетическом воспитании молодежи и придавая ему значение, «немногим меньшее, чем массовая песня».

В этом популярном «легкомысленном» искусстве, с увлечением предаваясь движению и ритму музыки, танцующие непроизвольно выражают не только свои собственные эмоции, но и незаметно для самих себя передают характер, нравы, доминирующие эмоции своего времени, народа, общества.

В патриархальном быту подчиненное положение женщины, исключительная строгость в обращении между мужчиной и женщиной наложили свой отпечаток и на танец: во многих случаях мужчины танцевали отдельно от женщин, в совместных же танцах они не касались друг друга даже рукой. Танцевали степенно, серьезно, почти не смотря друг на друга, без улыбки. В старинном русском хороводе, замыкая круг, держались за концы платков.

Строгость, патриархальность традиций сохранены и ярко выражены в романтическом грузинском танце «Лекури», в котором мужчина не смеет даже прикоснуться к платью женщины.

Постепенно положение женщины в быту изменяется. Меняется и форма обращения мужчины и женщины. В танце мужчина берет женщину за руку.

Развивается городская культура. В быту появляется большая свобода в обращении между мужчиной и женщиной. Это отражается и на танце: в кадрили мужчина не только ведет женщину за руку, но, заканчивая каждую фигуру, поворачивает ее, поддерживая за талию, а в вальсе и польке он кружится с нею, бережно обхватив ее за талию. Такая вольность в свое время вызвала бурю негодования со стороны аристократического общества. Длительное время эти танцы запрещались, как безнравственные.

Современные же буржуазные танцы — фокстрот, танго, блюз — окончательно разрушили все преграды между мужчиной и женщиной.

Каждое сословие вносит в бытовой танец характерные для себя черты.

Характерной особенностью народных танцев является коллективность, наличие игрового момента, выразительность. В этих танцах отражены труд, быт и чувства народа.

Первобытные охотничьи танцы имитируют повадку зверей, преследование зверя охотником, борьбу со зверем. Огромное количество танцев отражает сельский труд: жатву, обработку льна, работу мельниц. В эпоху развития городов, рабочих союзов возникают цеховые танцы: танец сапожников, портных, рыбаков, косарей и другие. Моменты лирические: ухаживание юноши за девушкой, игривость, кокетство, шутка, задор — также нашли свое выражение в ряде народных танцев.

Свою историю имеют придворно-аристократические танцы: народные танцы, исполнявшиеся на народных праздниках динамично, просто, большим коллективом, были перенесены в придворный зал и совершенно изменили свой облик. Эти танцы — полонез (народный танец Ходзоне), менуэт, гавот — впитали в себя весь придворный этикет XVII, XVIII веков и превратились в обособленные, чопорные, жеманные, медлительные парные танцы, изобилующие церемонными поклонами.

Танцы молодой буржуазной культуры (городские танцы прошлых веков) характерны ярким, здоровым мироощущением и эмоциями. Они сохранили многие черты народных танцев. Это те же народные танцы: кадриль, вальс, полька, мазурка, — несколько измененные в соответствии с городскими вкусами и нравами, а также танцы, сочиненные на элементах народных танцев.

Прошлый век был периодом кульминационного расцвета городского бытового танца. Дальше возникают такие танцы, как тустэп, танго, явившиеся преддверием современного буржуазного танца. В современном же буржуазном танце совершенно исчезли народные черты. Это танец, рожденный в ресторане, между столиками, танец деградирующий — живая иллюстрация к «Музыке толстых».

Большое влияние на развитие танца оказало и развитие материальной культуры, в частности костюма. Когда в эпоху Возрождения женщины носили полотняный чулок, который уродовал форму женской ноги, женщины старались не показывать своих ног и прятали их под широкими длинными платьями. Длинные платья обусловили и медлительные, степенные движения.

Когда же при Франциске I во Франции изобрели вязаный чулок, который сразу изменил и придал красивую форму женской ноге, женщине незачем стало прятать свою ногу. Быстро платья стали укорачиваться, открывая, показывая ногу. И движения танца стали динамичнее, шире, сильнее. Появились специальные па, в которых нога выставлялась вперед, заставляя любоваться собою.

Этот небольшой экскурс в историю развития бытового танца я сделал для того, чтобы подойти к вопросу: каким же должен быть советский танец? Почему мы относимся отрицательно к современному буржуазному танцу, так яростно пропагандируемому на всех танцевальных площадках?

Мы расцениваем танец как зеркало нравов. Танец, выражая эмоции и нравы общества, одновременно через музыку и движение вызывает и воспитывает эти эмоции.

Какие же эмоции заложены в современном буржуазном танце? Исключительно сексуальные, дурманящие. Современные буржуазные танцы в своей основе противоположны нашим бодрым, жизнеутверждающим эмоциям. В них нет движений, свойственных молодежи, нет живых и здоровых чувств. Поэтому они чужды нашему мироощущению, вредны для воспитания молодого поколения.

В советском танце должно быть выражено жизнечувствование нашей молодежи. Это должны быть танцы с выразительными, сильными, ловкими движениями, бодрыми, радостными эмоциями, чистой лирикой и порывами, свойственными юности. Их нужно создавать на народной основе, сохраняя присущие народному танцу черты.

Помимо задачи создания нового, советского танца перед композиторами и балетмейстерами должна быть также поставлена и задача отбора, возрождения и обновления созвучных нам бытовых танцев прошлого (городских и сельских), которые под влиянием современных западных танцев испортились и в большой степени утратили свои существенные черты.

Мазурка в исполнении артистов Государственного ансамбля народного танца. Художественный руководитель — Игорь Моисеев.

Фото Е. Умнова

Боевой список

В. ВИКТОРОВ

1937 год. Сергей Щербаков после боя с Иваном Князевым.

Каждый боксер ведет свой боевой список. Еще в тот неповторимый день, после первого матча, он делает заглавную запись, скупую запись по установленной форме: фамилия противника, место встречи, результат, формула боя, весовая категория, спортивный разряд. Пожалуй, больше он и не смог бы добавить. Разве можно подробнее описать эти считанные минуты, стремительные, как полет пули, и бесконечные, как сама вечность?!

Двенадцать лет прошло с тех пор. Сто двадцать три строчки, сто двадцать три боя прибавились в боевом списке Сергея Щербакова, но и теперь стоит ему взглянуть на первую строку — и видит он самого себя, восемнадцатилетнего, круглолицего, озорного и удивленного, в раздевалке, после боя оглядывающего рослого, широкогрудого своего противника и недоуменно спрашивающего самого себя: «И это я его сейчас?..» — и трудно даже в мыслях произнести это самое великолепное слово из всех слов — «победил».

Вот его второй бой на открытом ринге, где не знаешь, с кем сведет тебя случай, и снова замирает сердце и забываешь все, подхваченный головокружительным вихрем секунд. Еще пять боев с молодыми, как он сам, бойцами — и вот восьмая строка: «Глушаков. Ноябрь 1937 года. Дворец физкультуры «Крылья Советов». Проигрыш по очкам. Три раунда по три минуты. Вес полулегкий. 1-й разряд».

Так через год после своего выхода на ринг, впервые встретившись с перворазрядным боксером, Щербаков узнал, что такое поражение.

Первое поражение в жизни бойца — вот его настоящая проверка. Сколько молодых, воодушевленных, сильных не выдерживали этого испытания и теряли сразу все: уверенность, смелость, способность наступать! Но Щербаков, ученик дяди Саши, тренера спортивного общества «Крылья Советов» Бессонова, токарь с авиационного завода, был слеплен из другого теста. Пусть следующая, девятая встреча с чемпионом страны Грейнером снова принесла поражение, Щербаков не унывает. И вот десятый бой, с чемпионом ВЦСПС Андреевым,— победа по очкам... Тринадцатый бой — победа над Глушаковым... Двадцать третий бой—победа над Грейнером... Двадцать четвертый бой— выигрыш у Князева... Тридцать первый бой — победа над Штейном...

От боя к бою наливается силой тело, крепнет характер, и в самое тяжелое мгновение, когда усталость обрушивается на плечи еще с большей силой, чем кулаки противника, Щербаков уже не теряет власти над собой и идет вперед, атакуя, наступая, вперед и вперед.

Иногда он проигрывает менее знаменитым, менее опытным, но у более сильных вырывает победу.

К июню 1941 года в его боевом списке значились сорок одна победа и восемь поражений... В воскресенье, 22 июня, на стадионе «Динамо» Сергей Щербаков услышал голос Молотова. Этот голос гремел над зеленым спортивным полем, над серой лавиной трибун. Война! Война! Уже шло сражение на равнинах Украины и Белоруссии, и что значили перед этими боями схватки на ринге, победы по очкам, нокаутом или за явным преимуществом!

Вернувшись со стадиона домой, Щербаков достал свой боевой список, просмотрел его и провел под сорок девятой строкой итоговую черту, а затем тут же написал заявление, в котором просил послать его на фронт добровольцем.

В тот первый момент Щербаков решил, что со спортом покончено, но очень скоро понял, что ошибся. Отряд добровольцев был сформирован из спортсменов и предназначался для борьбы в тылу врага, где от каждого бойца требуются воля, выносливость, смелость, способность действовать один на один. Все эти качества воспитал в них спорт, и теперь оставалось научиться подрывать мосты, бесшумно действовать ножами, жить в лесу, носить тяжелый груз за спиной...

Когда Щербаков по повестке явился на стадион «Динамо», он встретил там множество знакомых и товарищей. Был тут Николай Королев — боксер, Иван Рогожин — лыжник, Григорий Пыльнов — борец, Сергей Корнилов — фехтовальщик; были тут студенты Института физкультуры Борис Галушкин, Николай Ананьев, Иван Макропуло и многие другие. Тут же, на стадионе, их переодели в военную форму, и строем по четыре в ряд они вышли из знакомых ворот...

Отряд разместился на станции Строитель, на динамовских стрельбищах, и вся обстановка так напоминала обычный спортивный сбор, что иногда Щербакову казалось, будто он готовится не к войне, а к соревнованиям. Но бойцы изучали подрывное дело, искусство меткой стрельбы, уменье двигаться по лесу с помощью компаса.

Месяц проходил за месяцем, а отряд никто не тревожил. Только поздней осенью, промозглым октябрьским днем, их повезли в Москву, и вот снова улицы, по которым они проходили летом в еще не обношенных сапогах. Теперь сплоченный военный отряд двигался по притихшему городу, мокрый снежок садился на шинели, щекотал лица.

Их привели на Красную площадь и поставили там. Во весь размах площади, от Исторического музея до храма Василия Блаженного, стояли шеренги мотострелкового полка, куда входил отряд разведчиков-спортсменов. Уже было известно, что Москва под угрозой. Что же ждет отряд? Где суждено ему принять свой первый бой? Сергей Щербаков стоял в молчаливой шеренге. Час проходил за часом, а перед ним была все та же кремлевская стена, обрамленная синеватыми елями, влажно сверкали грани ленинского мавзолея, и два часовых, как обычно, стояли у входа. Сменялись караулы, отзванивали кремлевские куранты, въезжали и выезжали машины из ворот Спасской башни, и только площадь, заполненная войсками, оставалась неподвижной. Люди стояли плечом к плечу, и каждый думал свою думу.

К вечеру отряд спортсменов привели в Дом союзов, и здесь, в самом центре Москвы, они жили, как на переднем крае, охраняя спокойствие города. Проносились по улицам танки, двигались к фронту войска, а они, разведчики, прекрасно тренированные люди, подготовленные к действиям впереди всех, в тылу противника, ждали своего часа в здании, где некогда сияла новогодняя елка и сверкали люстры над мраморными колоннами нарядного зала.

Этот час пришел в последних числах ноября. И вот Москва осталась позади, промелькнули места, еще недавно захваченные немцами, и отряд высадился в районе Сухиничей.

Там и начал Сергей Щербаков свой новый боевой список. Он опять чувствовал себя новичком, как в тот день, когда поднялся впервые на ринг. Замирало сердце, свинцовой тяжестью наливались ноги — неизведанный, таинственный мир войны готов был поглотить его.

Пятнадцать разведчиков на лыжах пробирались в тыл немцев. Шли по лесу, шуршали лыжи, и вдруг на опушке Щербаков увидел какие-то фигуры. Прежде чем он понял, что это немцы, фигуры бросились бежать к деревне, неуклюжие, нелепые в своих длиннополых шинелях. Нет, кулаком до них не дотянешься, и пуля, казалось, их не догонит, но в следующее же мгновение Щербаков вел огонь, и рядом трещали автоматы товарищей. Один из немцев повалился в снег, за ним — другой, а отряд уже несся к деревне, таящей какую-то страшную угрозу. Вот совсем близко дома, и тут, прежде чем Щербаков успел понять, что происходит, упал бегущий с ним рядом Сергей Рогачев, легкоатлет, товарищ по обществу «Крылья Советов». Когда-то они встречались в светлом спортивном зале на Ленинградском шоссе, теперь Рогачев лежал на снегу, и командир, нагнувшись над ним, сказал: «Убит...»

Так прошло боевое крещение Сергея Щербакова и его товарищей... В январе отряд перебросили под Смоленск. По тому, какое снаряжение бралось с собой, какой запас взрывчатки и патронов, всем было ясно: это надолго. Ночью бесшумная вереница лыжников, сгибаясь под тяжестью рюкзаков, пересекла линию фронта и двинулась на запад. Шли две недели ночами, днем отлеживались. Все глуше доносились раскаты орудийной стрельбы и однажды совсем смолкли. Нехоженые, безлюдные леса протянулись кругом. Сто двадцать километров отделяли теперь отряд от линии фронта.

Разведчики провели здесь всю зиму, взрывая эшелоны. Наступила весна. Ноги были мокрыми до колен, и пришлось надрезать головки сапог, чтобы дать выход воде. Самолеты сбрасывали им боеприпасы и питание, карательные отряды пытались брать их в кольцо.

В свое время на ринге Щербакову казалось, что он умеет выкладывать свои силы, все без остатка, теперь он понял, что ошибался. Здесь, на войне, познав всю силу ненависти и гнева, Щербаков обнаружил в себе неисчерпаемые

резервы энергии, о существовании которой и не подозревал.

Сырой апрельской ночью Сергей Щербаков и Иван Макропуло получили приказ подорвать воинский эшелон, который должен был пройти к линии фронта. Пришлось полночи пролежать под насыпью: непрерывно двигались немецкие патрули. Наконец, улучив момент, выскочили наверх, всем телом ощущая свою беззащитность: может быть, вот сейчас их скосит вражеская очередь...

Засыпав мину балластом, они скатились вниз и побежали болотом, чтобы сбить со следа собак, если будет погоня, и тут же услышали астматическое дыхание паровоза, перестук колес на стыках, и вдруг багровое зарево поднялось над лесом...

В ту ночь радист отряда передал два сообщения: о подрыве воинского эшелона и о тяжелом ранении бойца Несынова: он устанавливал мину на соседнем участке и был обстрелян немецким патрулем.

Под утро был получен ответ: «Несынова выносите». Вот при каких обстоятельствах Сергей Щербаков и еще пять бойцов — студентов Института физкультуры,— уложив на плащ-палатку тяжелое и беспомощное тело, двинулись к своим. Девятнадцать дней они шли по размокшему лесу, через болота, с боем прорвались через железную дорогу, которая и была линией фронта, и, наконец, оказались в расположении наших войск.

Солнечным, майским днем Сергей Щербаков приехал в Москву. Он был одет в ободранный полушубок, в разбитых, разрезанных с двух сторон сапогах. Привыкший к лесной тишине и непрестанной опасности, он растерянно оглядывался по сторонам, и никто бы не узнал его в этом огрубевшем солдате.

Уже три месяца он жил под Москвой, в лагерях, готовясь к новому заданию, когда его вызвали в город и предложили выступить в матче бокса на антифашистском митинге молодежи.

Бокс? Сейчас? Это приглашение поразило его. Какой там бокс, когда идет война! Да он, наверное, и разучился двигаться по рингу! А потом Щербаков подумал, что ведь его просят выступить на антифашистском митинге, как же он может отказаться! И митинг должен был состояться в Доме союзов, в том доме, где он прожил целый месяц осенью сорок первого года.

И вот перед ним знакомый Колонный зал, заполненный московской молодежью: рабочими, студентами, солдатами, партизанами. Снова боевой настил ринга под ногами, будто нет войны и не надо больше брать в руки оружия. Но никогда еще таким взрывом аплодисментов зрители не встречали каждый его удар, никогда еще так горячо не приветствовали его победу, и в этом бурном дыхании зала тоже чувствовалась война: московская молодежь видела в нем не только боксера, но и бойца, вернувшегося только что из вражеского тыла...

И вот перед нами пятидесятая строка в боевом списке Щербакова: «Трофимов. Август 1942 года. Колонный зал Дома союзов. В. О.— выигрыш по очкам. Три раунда по три минуты. Вес полусредний».

Через несколько дней отряд разведчиков выехал из Москвы на Астрахань, пересел на пароход, высадился в Махач-Кале и двинулся на Тбилиси. Под Сталинградом шло великое сражение, немцы прорывались к Кавказу, но не пришло еще время Щербакову вступить в бой, и его снова увидели на ринге. Три матча провел он в Грузии, прежде чем уже в конце декабря отряд был брошен по Военно-Грузинской дороге к Нальчику.

В новогоднюю ночь разведчики получили задание — пробраться в тыл немцев и перерезать дорогу в деревню, где скопились вражеские танки, ожидавшие подвоза горючего.

Прорываясь через линию фронта, подрывая взрывчаткой немецкие дзоты, Щербаков был дважды ранен в ногу. Полгода он пролежал в госпитале и только летом 1943 года приехал в отпуск в Москву... В августе Щербаков провел свой пятьдесят четвертый бой с одним из сильнейших боксеров — Ашумовым. Нога была еще перевязана, и зрители, заполнившие Колонный зал Дома союзов, где происходили соревнования, с удивлением наблюдали стремительное, могучее наступление раненого боксера. Да, стечением обстоятельств свой пятьдесят четвертый и первый бой после ранения Сергей Щербаков снова проводил в Доме союзов. В этом совпадении был какой-то свой глубокий и радостный смысл. Здесь он начал свою жизнь бойца, здесь вернулся к спорту в самый разгар войны, и теперь снова здесь после ранения поднялся на ринг. Так разве же может он проиграть такой бой? Конечно, нет! И Щербаков не проиграл. Он вообще больше никому не проигрывал, и его восьмое поражение, датированное 1940 годом, стало последним. Семьдесят матчей провел Щербаков после памятного матча в Колонном зале, встречался с сильнейшими мастерами — Никитиным, Каристэ, Тимченко,— выступал на рингах Чехословакии, Финляндии и Польши и неизменно сходил с ринга победителем.

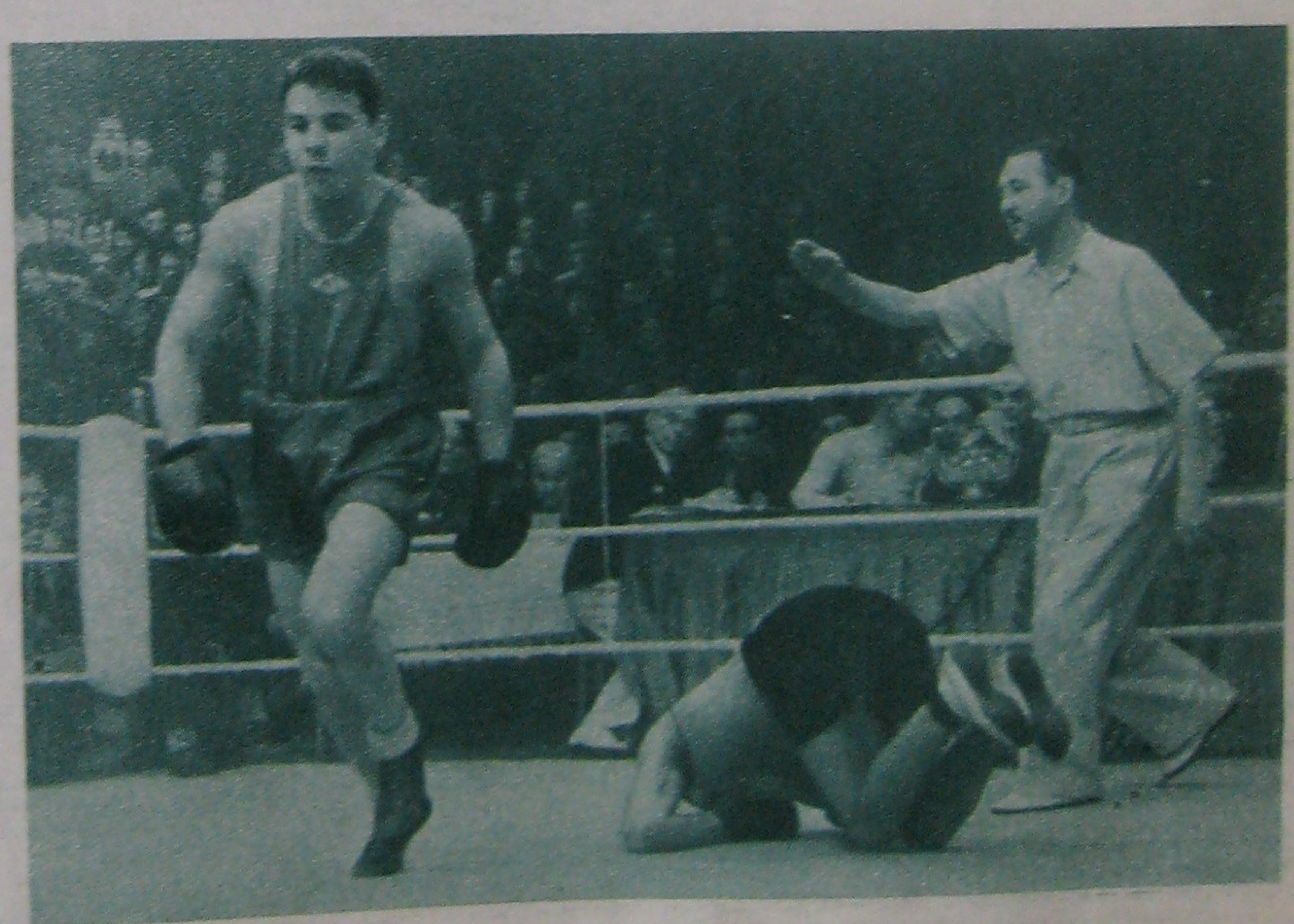
1942 год. Так выглядел Сергей Щербаков после возвращения из-под Витебска.

1945 год (справа налево): С. Щербаков, Н. Королев и Е. Орлов — три боксера, три офицера.

В 1944 году Щербаков впервые выиграл первенство страны и с тех пор еще три раза сохранял за собой звание чемпиона СССР в полусреднем весе. Так, после Сухиничей, Смоленска и Нальчика, после тяжелого ранения он достиг полного расцвета и стал мастером, каждый удар которого таит нокаут. Спорт помог ему быстро освоиться на войне и хорошо сражаться, а война закалила и до конца проявила его боевые качества.

Когда после боя Сергей Щербаков раскрывает свой боевой список, чтобы вписать в него новую строку, новую победу, внезапно расширяются узкие границы ринга, и снова боксер видит себя лежащим на железнодорожном полотне с миной замедленного действия в руках или на горном склоне, закладывающим заряд тола под цементный гриб немецкого дзота. Он видит рядом товарищей, таких же спортсменов, как и он сам, сражавшихся с ним рядом: Борю Галушкина, павшего в бою и посмертно получившего звание Героя Советского Союза, борца Степана Несынова, которого он девятнадцать дней нес на руках, горнолыжника Ваню Макропуло, обучающего сейчас молодежь на крутых склонах Кохты в Бакуриани, и многих других. И воспоминания проносятся вереницей над скупыми строчками боевого списка, в котором вся его жизнь — жизнь бойца.

1947 год. Сергей Щербаков на ринге.

Почему мы так говорим

ЧЕРЕСЧУР

Слово «чересчур» — след давнего верования славян в мифическое существо Чур.

Чур в старину почитался, как олицетворение предка, родоначальника. Он был хранителем домашнего очага. Позже место Чура, покровителя рода, занял домовой — покровитель отдельной семьи.

От имени Чура, или Щура, сохранилось слово «пращур».

Считали, что Чур охранял достояние и стоял на страже границ земельных владений. Человек, переходивший границу — межу,— переходил «через Чур». Отсюда наше чересчур.

Так как Чур был божком домашнего очага, то чурбан — обрубок дерева, чурка — поленце, с помощью которого возжигался огонь очага.

Когда-то глагол чураться значил не только «клясться именем Чура», но также проводить черту, охранять себя условной границей.

Позже, когда старинную веру в Чура забыли, чураться стало значить отстраняться от чего-нибудь, боязливо сторониться, избегать чего-либо.

ПЛЕЯДА

У державшего на плечах небесный свод титана Атласа и у дочери Океана Плейоны было семь дочерей. Спасая их от преследования охотника великана Ориона, боги превратили дочерей в созвездие Плеяд.

Так рассказывает о происхождении этого созвездия древнегреческий миф.

В III веке до нашей эры в Александрии жили семь выдающихся греческих поэтов. Сравнивая поэтов с созвездием семи Плеяд, их называли плеядой. В XVI веке именем этой группы древних поэтов назвали группу объединенных вокруг Ронсара семи французских поэтов. «Плеяда» оказала сильное влияние на развитие французской поэзии и трагедии.

В дальнейшем плеядой стали называть группы поэтов, деятелей на каком-нибудь поприще. Мы и теперь говорим о примыкавших к Пушкину современных ему поэтах «Пушкинская плеяда».

Плеяда — также научный термин: группа близких друг другу химических элементов, входящих, как одно целое, в периодическую систему Менделеева.

И. УРАЗОВ

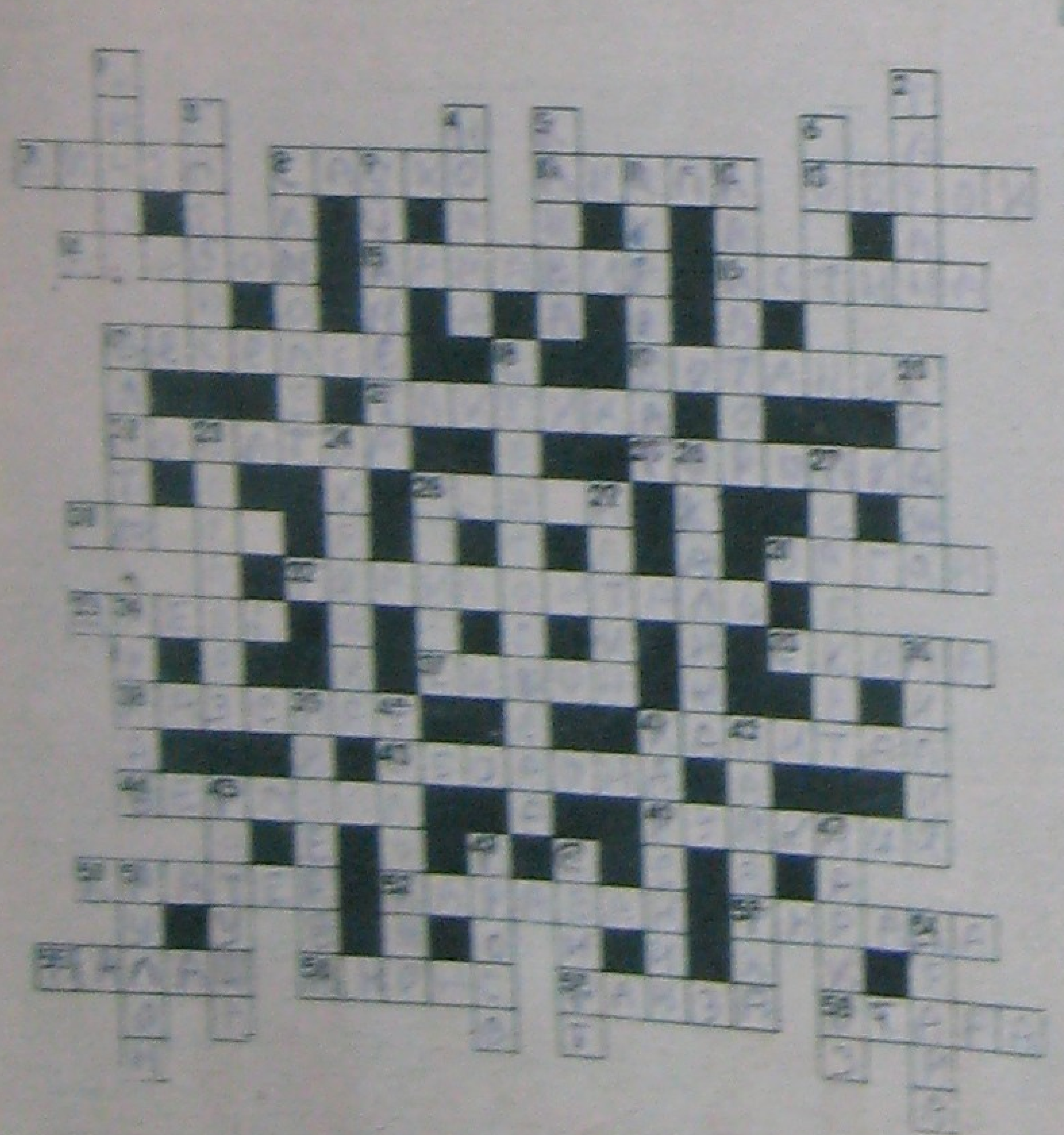
МОДЕЛИ ДЕТСКИХ ПЛАТЬЕВ

1. Платье из вискозной ткани, отделанное вышивкой и цветным кантом. 2. Шерстяное платье с белым воротничком из креп-жоржета. Лиф платья и манжеты отделаны вышивкой. 3. Платье из полушерстяной ткани.

Автор моделей В. М. МУХАР. (Экспериментальная мастерская Центрального универмага.)

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Б. Полякин (Москва)

По горизонтали:

1. Оптическое стекло. 8. Русская опера. 10. Курорт на Северном Кавказе. 13. Подать, взимаемая с крестьян в крепостной России. 14. Тетрадь для рисунков. 15. Город в СССР. 16. Правда. 17. Радость. 19. Растениевед. 21. Военная наука. 22. Передовик новых методов. 25. Персонаж из оперы «Аскольдова могила». 28. Город в США. 30. Оруженосец в древней Руси. 31. Музыкальный инструмент. 32. Линия, параллельная горизонту. 33. Сверлильный инструмент. 35. Утес. 37. Сосуд для шипучих напитков. 38. Камера внутри крепости. 41. Произведение Карла Маркса. 43. Защита. 44. Медикамент. 46. Государство в Европе. 50. Жерло вулкана. 52. Транспорт в пустыне. 53. Отрывок речи. 55. Холодное оружие. 56. Оповещение. 57. Жилище в Китае. 58. Стадо овец.

По вертикали:

1. Конец. 2. Прием воздушного боя. 3. Французский писатель. 4. Мерило. 5. Ткань для вышивания. 6. Искусственный бассейн. 8. Летательный аппарат. 9. Геометрический термин. 11. Цирковой артист. 12. Летчик. 17. Снасть корабля. 18. Высший слой атмосферы. 20. Хищение. 23. Подводник. 24. Кушание. 26. Нагар на металле. 27. Речная отмель. 28. Болезнь. 29. Старинная русская монета. 34. Часть одежды. 36. Цветок. 39. Богиня мудрости в древнем Риме. 40. Овсяная мука. 41. Персонаж из романа Льва Толстого. 42. Напоминание. 45. Здание городского управления на Западе. 47. Усыпляющее средство. 48. Спортивное соревнование. 49. Автор «Путешествия Гулливера». 51. Сверток бумаги. 54. Пьеса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 4

По горизонтали:

1. Скала. 6. Каземат. 7. Департамент. 9. Отрок. 12. Керамит. 13. Лакрица. 15. Ткань. 17. Фолиант. 21. Нерпа. 24. Игра. [illegible] 28. Дуплекс. 29. Новатор. 30. Абсцесс. 31. Сейф. 32. Атом. 33. Бенгало. 34. Арлекин. 35. Пантеон. 36. Плюр. 38. Иота. [illegible] 41. Ассирия. 45. Друпы. 46. Епископ. 47. Этернит. [illegible] Наполеондор. 54. Котлета. 55. Фабра.

По вертикали:

2. Кизерит. 3. Лимбаго. 4. Окапи. 5. Штрек. 7. Демагог. [illegible] 9. Отто. 10. Раки. 11. Клан. 12. Конференсье. 14. Александрит. 16. Кашемир. 17. Фанфара. 18. Ловелас. 19. Автокар. [illegible] 22. Презент. 23. Сдоба. 24. Иссоп. 26. Рампа. [illegible] 27. Ленсман. 39. Терьер. 42. Сапа. 43. Итог. 44. Ирон. [illegible] 50. Одометр. 51. Алекс. 52. Идеал.

ОТВЕТЫ НА «ВРЕМЕНА ГОДА» (ВТОРАЯ СЕРИЯ, № 3)

Картины: 1. П. О. Ковалевский — Встреча. 2. И. И. Шишкин — Дебри. 3. К. К. Первухин — Зима. 4. С. И. Светославский — К весне. 5. П. А. Брюллов — Весна. 6. Е. Е. Волков — Болото (осень). 7. В. Д. Орловский — В Алупке. 8. Ф. И. Ясновский — В Кунцеве (окрестности Москвы). 9. И. И. Левитан — Мельница. 10. М. А. Федорова — К непогоде. 11. И. К. Айвазовский — Черное море. 12. И. И. Шишкин — Рубка леса.

Стихи: 1. А. А. Фет. 2. Н. А. Некрасов. 3. И. С. Никитин. 4. Ф. И. Тютчев. 5. Е. А. Баратынский. 6. А. А. Фет. 7. А. А. Фет. 8. Л. А. Мей. 9. К. Н. Батюшков. 10. Н. А. Некрасов. 11. А. А. Фет. 12. Е. А. Баратынский.

Главный редактор — А. СУРКОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. УРАЗОВА

А — [illegible] Подписано к печати [illegible]—48 г. 5½ печ. л. Изд. № 148 Тираж 154 000. Заказ 183. Рукописи не возвращаются

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВНУТРЕННИЙ

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ

ПРОДАЮТ и ПОКУПАЮТ

ОБЛИГАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОГО

3% ВНУТРЕННЕГО ВЫИГРЫШНОГО ЗАЙМА

ЕЖЕГОДНО ПО ЗАЙМУ ПРОИЗВОДЯТСЯ
ШЕСТЬ ОСНОВНЫХ И ОДИН ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ТИРАЖ ВЫИГРЫШЕЙ

В 1948 году основные тиражи состоятся: 30 января, 30 марта, 30 мая, 30 июля, 30 сентября и 30 ноября;

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ТИРАЖ НАЗНАЧЕН на 30 сентября 1948 года

В ОСНОВНЫХ ТИРАЖАХ УЧАСТВУЮТ ВСЕ ОБЛИГАЦИИ, НЕЗАВИСИМО ОТ СРОКА ИХ ПРИОБРЕТЕНИЯ. В ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ТИРАЖАХ УЧАСТВУЮТ ОБЛИГАЦИИ, ПРИОБРЕТЕННЫЕ НЕ МЕНЕЕ ЧЕМ ЗА 9 МЕСЯЦЕВ ДО СРОКА ТИРАЖА.

В КАЖДОМ ТИРАЖЕ на один разряд займа в один миллиард рублей разыгрывается следующее количество выигрышей:

Размер выигрыша	В основном тираже	В дополнительном тираже
100.000 рублей	—	1
50.000 рублей	2	5
25.000 рублей	5	25
10.000 рублей	25	80
5.000 рублей	80	800
1.000 рублей	700	2.300
400 рублей	7.688	8.289
Всего	8.500	11. 500

Приобретайте облигации государственного 3% внутреннего выигрышного займа!

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСТРУДСБЕРКАСС И ГОСКРЕДИТА

Подшипник для прокатного стана «Запорожстали» выпущен 1-м Государственным подшипниковым заводом имени Л. М. Кагановича. Вес подшипника